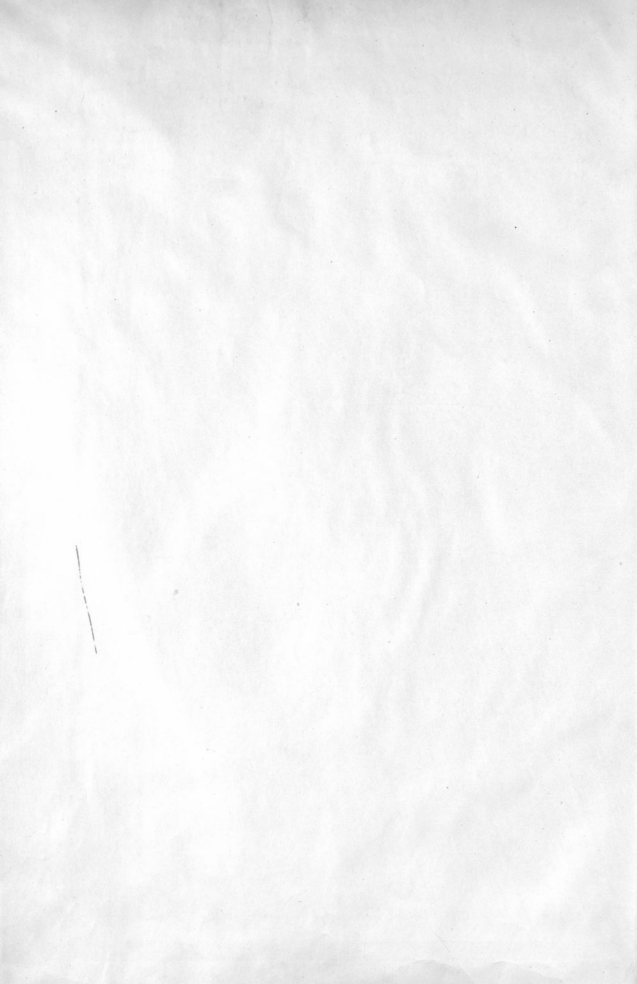


Путевыя замѣтки

о сѣверѣ

Россiи и Норвегiи

Академика архитектуры

В. В. СУСЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

О СѢВЕРѢ

РОССІИ и НОРВЕГІИ

Академика архитектуры

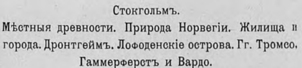
В. В. Суслова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **А. Ф. Маркса.** Ср. Подъяческая, № 1.
1888.

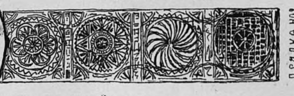
2007083391

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ
ПО СѢВЕРУ
РОССІИ И НОРВЕГІИ
Вл. Суслова
СѢВЕРНЫЙ ОКЕАНЪ
ЛАПЛАНДІЯ
БѢЛОЕ МОРЕ
О. АРХАНГЕЛЬСКЪ
О. ДРОНТГЕЙМЪ
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
ОЗ. ЛАДОЖСК.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
СТОКГОЛЬМЪ
ГОТЛАНД
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ

Печатано съ разрѣшенія Императорской Академіи Художествъ.



Стокгольмъ.
Мѣстныя древности. Природа Норвегіи. Жилища и города. Дронтгеймъ. Лофоденскіе острова. Гг. Тромсо, Гаммерферстъ и Вардо.



Занимаясь изслѣдованіемъ древне-русскаго искусства и путешествуя, по порученію Императорской Академіи Художествъ, съ этою цѣлью уже нѣсколько лѣтъ, я имѣлъ возможность побывать въ различныхъ концахъ Россіи и кромѣ спеціальныхъ занятій невольно сталкивался съ тѣми особенностями въ современной жизни, которыя обусловлены различіемъ происхожденія нашихъ инородцевъ, ихъ мѣстомъ населенія и самымъ укладомъ нашего государства. Не имѣя однако достаточно времени изложить все пережитое мною въ какія либо цѣльныя записки, я всегда ограничивался только спеціальнымъ разборомъ того матеріала, который представлялъ главную цѣль моихъ путешествій. Въ виду разнообразнаго матеріала послѣдней моей поѣздки, я въ настоящее время рѣшился изложить не только бѣглый обзоръ памятниковъ древняго искусства, встрѣченныхъ въ путешествіи, но и дорожныя замѣтки всего видѣннаго и слышаннаго мною. Намѣтивъ для спеціальныхъ занятій нѣкоторые пункты Архангельской и Олонецкой губерній, я вмѣстѣ съ тѣмъ избралъ путь въ эти отдаленные края черезъ Шве-

цію и Норвегію, дабы ознакомиться съ древнимъ искусствомъ сосѣдней страны и получить ясное представленіе, по скольку оно имѣло отношеніе къ нашему сѣверному искусству. Съ этою цѣлью я отправился прямо въ г. Стокгольмъ.

Послѣдній чрезвычайно живописно разбросанъ на трехъ островахъ глубокаго фiорда (залива). Группы зданій то одѣваютъ высокія скалы, освѣщенныя яркими тонами, то прячутся у подошвы горъ и какъ бы стушевываются въ таинственномъ полусвѣтѣ, то наконецъ уходятъ въ даль и пропадаютъ въ легкой чудной синевѣ воздуха.

Бухта вся одѣта гранитомъ и окрашена великолѣпными общественными и частными зданіями, надъ которыми широко царитъ громадный королевскій дворецъ. Подножіе горы, на которой онъ такъ величественно поднялся надъ всѣмъ городомъ, омывается тихими озерами Меларомъ и Соленымъ. Городъ дѣлится на три части: 1) Стаденъ—древняя часть города, населенная преимущественно торговымъ людомъ. 2) Зедермаль—южное предмѣстье, представляющее собою высокія скалистыя горы до двухсотъ футовъ высоты. На нихъ красиво рисуются разныя зданія и для удобства сообщенія этой части города съ остальными высятся огромныя подъемныя машины. 3) Нормальмъ—застроена прекрасными домами и служитъ мѣстомъ пребыванія аристократіи.

Я бѣгло осмотрѣлъ городъ съ его достопримѣчательностями и съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этнографическомъ сѣверномъ музеѣ (Nordisca-Museet). Благодаря директору этого музея, доктору филологическихъ наукъ г-ну Гацеліусу, я получилъ разрѣшеніе сдѣлать нѣкоторыя замѣтки и снять фотографіи съ весьма любопытныхъ старинныхъ бытовыхъ вещей шведовъ и норвежцевъ. Эти вещи, какъ-то: прялки, ящики, кружки и т. п., въ высшей степени интересны не только по своимъ сложнымъ и весьма художественнымъ украшеніямъ, но и потому, что онѣ (рѣзьба по дереву) имѣютъ поразительное сходство съ подобными же вещами на нашемъ поморьѣ. Тѣ и другія имѣютъ почти одинаковыя формы и основныя линіи орнаментовъ, состоящихъ почти исключительно изъ геометрическихъ фигуръ, комбинирующихся въ различныя розетки, пояски, рамки и т. п. Всѣ эти вещи были собраны самимъ директоромъ музея и составляютъ достояніе ученаго общества лишь съ недавняго времени.

Рисунокъ I-й.

Стокгольмскій „Nordiska museet".

Древнія бытовыя вещи норвежцевъ.

Не вдаваясь въ детальный разборъ этого крайне интереснаго матеріала, укажу только на нѣкоторые предметы.

На рисункѣ 1-мъ представлена группа слѣдующихъ вещей: внизу фасадный бочокъ деревяннаго сундучка (чиста). Сундучки эти большею частью не глубокіе, съ овальною или наклонною крышкою. Всѣ наружныя стороны такихъ сундучковъ убраны богатою рѣзьбою и въ общежитіи иногда клались въ изголовье. Исключительный мотивъ орнаментаціи ихъ (а также прялокъ и скалокъ) составляютъ круги заполненные всевозможными комбинаціями геометрическихъ фигуръ. На узкихъ мѣстахъ эти круги дѣлались одинъ за другимъ съ поясками и полукругами между ними, а въ квадратныхъ — круги разбивались по діагоналямъ. На сундучкѣ разсматриваемаго рисунка поставленъ деревянный подсвѣчникъ (льюстаке); онъ употреблялся въ домашнемъ быту. Горизонтальная часть его, на которой прикрѣплены двѣ формочки для свѣчей, можетъ по мѣрѣ надобности повертываться и подниматься. Профиля и манера обработки подсвѣчника очень сходны съ характеромъ древне-русскихъ подѣлокъ. Что касается формы пьедестала съ плоскими профилями, то она цѣликомъ встрѣчается въ нашихъ церковныхъ деревянныхъ и иногда въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ. Рядомъ съ «льюстаке» поставлена деревянная пивная кружка (крюсъ). Крышка ея имѣетъ раздвоенный язычекъ, въ который входитъ верхняя часть ручки, закрѣпленная деревяннымъ штифтикомъ. Когда берутъ кружку, то большимъ пальцемъ надавливаютъ язычекъ и крышечка поднимается. Такое устройство кружекъ практиковалось и у насъ. Мотивъ главнаго наружнаго орнамента рѣдко попадается въ подобныхъ вещахъ и не принадлежитъ къ мѣстному народному искусству, а несомнѣнно откуда-нибудь заимствованъ *). Орнаментъ въ пояскѣ кружки по расположенію и характеру листовъ сирійско-византійскаго пошиба, а украшеніе крышечки въ видѣ полурогообразныхъ граней во множествѣ встрѣчается на нашихъ древнихъ кадилахъ. Позади подсвѣчника и кружки видна спинка деревяннаго кресла (лэннстулъ), на сидѣньи котораго собственно и поставлены описанные предметы. Спинка кресла укрѣплена между круглыми столбиками и поддерживается еще (въ видѣ

*) Такой характеръ орнаментики встрѣчается въ индійскомъ искусствѣ; родственность его замѣтна и въ нашей деревянной рѣзьбѣ XVI столѣтія.

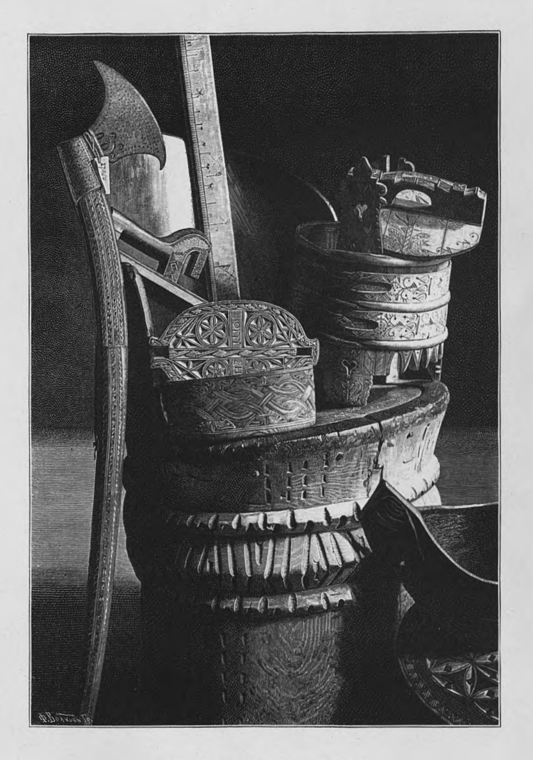
украшенія) балясинками. Въ характерѣ обработки ея, и вообще древней шведско-норвежской мебели чувствуется много общаго съ нашею древней деревянной мебелью. Даже самое названіе нѣкоторыхъ шведскихъ и русскихъ предметовъ почти или совершенно одинаково, напр.: стулъ (Stol — стулъ), жбанъ (Spann — спаннъ), скрыня (Skrin—скринъ), *) и т. п.

На рисункѣ 2-мъ представлены слѣдующіе предметы: съ правой стороны помѣщается шайка (свадриксбитта) для разныхъ напитковъ: пива, кваса, воды и т. п. Такія шайки обыкновенно брались крестьянами на сѣнокосы и рыбные промыслы. Шайки эти состоятъ изъ вертикальныхъ дощечекъ, которыя ниже дна шайки обдѣланы въ видѣ четырехъ ножекъ и городковъ, а наверху, за исключеніемъ двухъ ушковъ, обрѣзаны прямо. Эти дощечки обтянуты обручами, между которыми идутъ еще двѣ обвязки изъ лубка. Послѣднія украшены также, какъ и крышка, неглубокими нарѣзами въ видѣ растеній, треугольниковъ и прямыхъ полосокъ. Горизонтальная ручка крышки можетъ закрѣпляться въ ушкахъ шайки. Рядомъ съ шайкою находится круглая коробка для масла (смербитта). Она выгнута изъ одной тонкой дощечки, украшенной снаружи красивымъ переплетающимся орнаментомъ Византійскаго происхожденія. Крышечка коробки, снятая съ ушковъ и поставленная въ вертикальномъ положеніи, украшена въ характерѣ общепринятой народной рѣзьбы. Подобныя же коробки употреблялись и для провизіи, когда крестьяне уходили изъ дому на продолжительныя работы.

Описанныя шайка и коробка находятся собственно на сидѣньи массивнаго полукресла или стула (Stol—стулъ). Онъ сдѣланъ просто изъ обрубка толстаго бревна, нижняя часть котораго (11 вершк. высотою) оставлена массивомъ, а верхняя выдолблена въ формѣ сидѣнья и спинки. Цилиндрическая поверхность массивной части такихъ стульевъ дѣлалась нѣсколько вогнутою и опоясывалась украшеніемъ въ видѣ двухъ обручей, веревокъ или какъ показано на рисункѣ 2-мъ. Сидѣнье обыкновенно нѣсколько углублялось для подушки, а въ хозяйственномъ быту служило для толченія соли. Въ праздничные дни спинка и сидѣнье стула покрывались ковромъ или какой нибудь матеріей. Эти стулья употреблялись больше въ простомъ быту и отлича-

*) Спаннъ — мѣра сыпучихъ тѣлъ; скринъ — ящикъ.

Рисунокъ II-й.



Стокгольмскій „Nordiska museet“.

Домашнія старинныя вещи норвежцевъ.

лись своею практичностью отъ комнатныхъ стульевъ, которые дѣлались значительно легче и богаче.

Къ спинкѣ стула прислоненъ военный топоръ (стридсикса), деревянная ручка котораго украшена прямыми полосками съ зигзагами и неглубокими ямками. Самый топоръ — желѣзный и покрытъ множествомъ ямокъ въ видѣ каемочекъ.

На спинку полукресла положена скалка (кавельтрэдъ). На рисункѣ видна только ручка ея въ видѣ коня. Наружное украшеніе скалки состоитъ изъ ряда круговъ съ различными въ нихъ орнаментами. Необыкновенное богатство подобнаго рода орнаментики выразилось въ прялкахъ. Къ спинкѣ полукресла прислонена линейка для измѣренія предметовъ (алнъ), нынѣ вышедшая изъ употребленія; она равна $13^3/_8$ вер. и раздѣляется на четыре части (кварты). Каждая изъ этихъ частей раздѣляется еще на 6-ть (туммъ) частей. Съ правой стороны, внизу полукресла видна ручка и часть деревяннаго ковша (скупа).

Ограничившись пока указаніемъ нѣкоторыхъ древнихъ бытовыхъ вещей шведовъ и норвежцевъ, мы тѣмъ не менѣе не могли не подмѣтить, что во всѣхъ подобныхъ предметахъ видна практичность ихъ устройства и необыкновенная любовь народа къ украшенію ихъ орнаментикою. Тоже самое замѣтно и въ древнерусскихъ деревянныхъ домашнихъ вещахъ.

Если мы будемъ сравнивать прялки, скалки, ящики и т. п. предметы, встрѣчающіеся на нашемъ Сѣверѣ, съ таковыми же предметами въ Стокгольмскомъ сѣверномъ музеѣ, то въ общихъ формахъ и въ орнаментистикѣ почти не увидимъ разницы. Между тѣмъ, просматривая древніе памятники церковной архитектуры той и другой страны, мы едва-ли увидимъ и малѣйшее сходство. Въ орнаментистикѣ церковной и гражданской архитектуры Швеціи и Норвегіи ясно выражаются два направленія: одно въ томъ родѣ, какъ мы видѣли на крышкѣ круглой коробки и на сундучкѣ, а другое—извѣстное намъ по исторіи искусствъ «Скандинавское», состоящее изъ густыхъ сплетеній растительнаго характера, въ которыя вплетены различныя фантастическія животныя.

Принимая же во вниманіе, что въ искусствѣ нашего Сѣвера такого различія незамѣтно, а во всякомъ предметѣ сказывается общее народное искусство, я думаю можно допустить слѣдующіе выводы: Церковная архитектура Швеціи и Норвегіи съ принятіемъ христіанства была заимствована съ Запада; орнаментика же,

состоящая изъ фантастическихъ сплетеній и унаслѣдованная народомъ вѣроятно отъ бронзоваго періода, естественно продолжалась и въ христіанскомъ. Характеръ украшеній, показанныхъ на рисункахъ 1-мъ и 2-мъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, явился въ Скандинавіи позднѣе, чѣмъ у насъ, такъ какъ онъ болѣе распространенъ въ русскомъ искусствѣ. Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что новгородцы еще въ IX вѣкѣ славились рѣзьбою по дереву.

Колокольня въ с. Оро.

Продолжая путешествовать, я отправился изъ Стокгольма по желѣзной дорогѣ въ Дронтгеймъ. Путь лежалъ среди высокихъ горъ и, лентой извиваясь, проходилъ къ подошвамъ скалъ и снова терялся между ними. Громадныя долины ярко свѣтились зеленымъ ковромъ и исчезали въ мрачныхъ ущельяхъ.

Сотни водопадовъ и черные широкіе швы горъ довершали грандіозность фантастической природы Норвегіи.

Постепенно поднимаясь въ горы, мы проникали въ самую глубь ихъ, гдѣ вершины, уже отчасти покрытыя снѣгомъ, пропадали среди густыхъ облаковъ. Глубокія трещины горъ по временамъ вдругъ расширялись въ цѣлыя озера. Когда же мы стали спускаться къ Дронтгеймскому фіорду, насъ снова освѣтили теплые лучи солнца, а впереди разстилались яркоосвѣщенные луга и долины. Селенія, лежащія на пути къ Дронтгейму, картинно разбросаны отдѣльными группами, изъ которыхъ каждая представляетъ собою не болѣе четырехъ, пяти двухъ-этажныхъ избъ съ нѣсколькими нежилыми строеніями для хозяйства, огородами, садиками и небольшимъ полемъ. При такомъ размѣщеніи поселянъ, отдѣльными фермами, естественно устраняются сильные пожары и является больше удобствъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ

поля и огороды сосредоточены вблизи фермъ. Древній типъ сельскихъ построекъ норвежцевъ представлялъ собою такое расположеніе: на южной сторонѣ находилось продолговатое жилое помѣщеніе хозяина, къ которому съ задней стороны примыкало помѣщеніе для работницъ. Сзади этого строенія шелъ дворъ, который замыкался съ сѣверной стороны конюшнями и хлѣвами, съ западной — овинами, а съ восточной — сѣновалами.

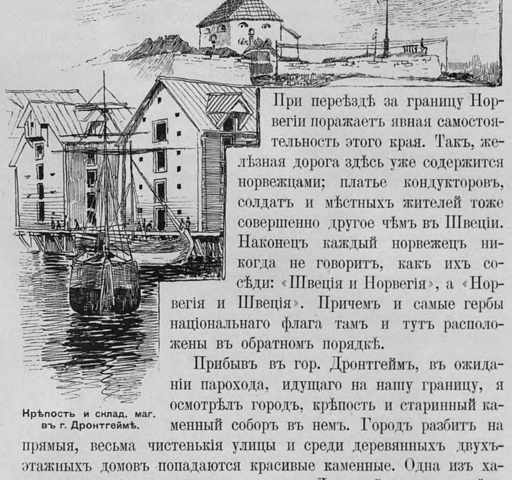
При конюшняхъ дѣлалась особая пристройка для рабочихъ. Самая изба (стуга) состояла изъ горизонтальныхъ лежней, въ которые врубались по угламъ каждаго помѣщенія избы устои, схваченные около крыши полубревенчатою обвязкою. Между устоями нарубали стѣны изъ полубревенъ. Въ бревенчатую обвязку врубали стропила, которыя затѣмъ обшивались досками. Послѣднія смазывали глиною и обкладывали дерномъ, а чтобы дернъ не сносило вѣтромъ, на крышу клали тонкія бревна (варреммъ) въ видѣ рогатокъ, также какъ и въ нашихъ избахъ средней полосы Россіи.

Жилое помѣщеніе хозяина состояло изъ передней, лѣтней комнаты и избы. Передняя находилась въ серединѣ; изъ нея дѣлался выходъ на дворъ. Налѣво при входѣ въ избу помѣщался столъ, около котораго по стѣнамъ шли скамейки; въ углу, гдѣ у насъ всегда находились образа, ставили шкафъ. Мѣста около шкафа считались почетными. Налѣво отъ входа стояла кровать, далѣе шла скамейка, за которою въ углу помѣщалась печь съ лѣсенкою. Потолокъ въ избѣ представлялъ собою просто обшивку стропилъ, причемъ только средняя часть покрывалась горизонтально. Въ лѣтней комнатѣ обыкновенно стояли вокругъ стѣнъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ и одинъ или два стола; средина помѣщенія оставалась свободною *).

Въ настоящее время строятъ большею частію двухъ-этажныя избы, — внизу для мелкаго скота и хозяйственныхъ принадлежностей, а вверху для жилья. Изъ надворныхъ строеній особенный характеръ носятъ сараи для просушки лѣса, сѣна и т. п. Они устроены такъ, что угловые устои наклонены къ внѣшней сторонѣ, а бревна врублены въ эти устои на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга (для провѣтриванія). Это расширяющееся кверху строеніе покрываютъ двухъ-скатною крышею.

---

*) Въ сочиненіи шведскаго ученаго Г. Гацеліуса «О жизни и обычаяхъ сѣверныхъ народовъ» описана древняя, весьма сложнаго устройства стуга въ Сконэ—на югѣ Швеціи.



Крѣпость и склад. маг. въ г. Дронтгеймѣ.

При переѣздѣ за границу Норвегіи поражаетъ явная самостоятельность этого края. Такъ, желѣзная дорога здѣсь уже содержится норвежцами; платье кондукторовъ, солдатъ и мѣстныхъ жителей тоже совершенно другое чѣмъ въ Швеціи. Наконецъ каждый норвежецъ никогда не говоритъ, какъ ихъ сосѣди: «Швеція и Норвегія», а «Норвегія и Швеція». Причемъ и самые гербы національнаго флага тамъ и тутъ расположены въ обратномъ порядкѣ.

Прибывъ въ гор. Дронтгеймъ, въ ожиданіи парохода, идущаго на нашу границу, я осмотрѣлъ городъ, крѣпость и старинный каменный соборъ въ немъ. Городъ разбитъ на прямыя, весьма чистенькія улицы и среди деревянныхъ двухъэтажныхъ домовъ попадаются красивые каменные. Одна изъ характерныхъ чертъ не только города Дронтгейма, но и всѣхъ видѣнныхъ мною городовъ въ Норвегіи, — это улицы складочныхъ магазиновъ. Послѣдніе, выходя прямо въ каналъ или бухту, возвышаются на сваяхъ въ три и четыре этажа, причемъ въ каждомъ изъ нихъ находятся со стороны воды широкія двери съ двумя маленькими оконцами по бокамъ. Нагруженныя суда пристаютъ прямо къ стѣнѣ зданія и товаръ посредствомъ блоковъ поднимается и размѣщается по разнымъ этажамъ кладовыхъ. Такой родъ строеній придаетъ довольно оригинальный видъ норвежскимъ городамъ и даже маленькимъ селеніямъ. Дронтгеймскій каменный соборъ *), относящійся къ двумъ эпохамъ, —

*) Опубликованъ въ спеціальномъ сочиненіи.

Романской и Готической, въ настоящее время представляетъ въ главныхъ массахъ нѣкоторую путаницу, такъ что сразу трудно представить себѣ его первоначальный планъ. Соборъ этотъ во всякомъ случаѣ весьма интересенъ не только своими общими формами, но и богатствомъ внутреннихъ деталей. Въ данное время онъ самымъ тщательнымъ образомъ реставрируется и, конечно, займетъ одно изъ весьма видныхъ мѣстъ въ исторіи средневѣковаго искусства.

Просматривая такимъ образомъ особенности г. Дронтгейма, я въ то же время не мало любовался здѣсь тихими и свѣтлыми ночами. Петербуржцамъ разумѣется знакомы подобныя ночи, но здѣсь, уже на 64° сѣверн. широты, онѣ еще свѣтлѣе и какъ-то таинственнѣе. Онѣ не склоняютъ васъ на покой, а зовутъ къ созерцанію ночной жизни природы и манятъ въ безконечную даль, къ яркимъ отблескамъ то погасающихъ, то разгорающихся лучей солнца. Далѣе къ сѣверу насъ ждали новыя картины, гдѣ солнце уже не прячется за горизонтъ, а открывается зрителю во всѣхъ фазисахъ своего движенія.

10-го іюля я отправился на пароходѣ Lafoten въ гор. Вардо. Выйдя изъ Дронтгеймскаго фіорда, мы стали пробираться шхерами, нерѣдко встрѣчая довольно живописныя мѣста съ уходящими въ глубь береговъ фіордами. Селенія по берегамъ довольно рѣдки и немноголюдны; изъ нихъ собственно факторіи состоятъ изъ двухъ или трехъ домиковъ съ хозяйственными постройками и складочными магазинами. Почти въ каждомъ изъ селеній находятся маленькія деревянныя церкви новѣйшей постройки. Старинныя же почти не уцѣлѣли, по той причинѣ, что каменныхъ, болѣе долговѣчныхъ построекъ здѣсь не было, а деревянныя передѣланы въ силу развитія современныхъ вкусовъ *). Существующія церкви въ этихъ мѣстахъ имѣютъ большею частью базиличную форму, т. е. въ видѣ вытянутаго прямоугольника съ продольными раздѣленіями, между тѣмъ какъ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Норвегіи замѣчается крестообразная форма плана (въ г. Тромсо). Стиль церквей большею частію готическій, но далеко не строгій и не изящный.

*) Изъ древнихъ любопытныхъ церковныхъ построекъ, встрѣтилась только колокольня въ Оре (Швеція). Кубообразный низъ ея каменный, верхъ состоитъ изъ восьми бревенчатыхъ устоевъ, забранныхъ въ видѣ рѣшетки. Высокая крыша ея и восьмигранная главка покрыты деревянною черепицею въ родѣ нашей «чешуйчатой обивки»

Около селенія Mosfoen, берега все еще представляютъ собою довольно высокую цѣпь горъ, покрытыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣговыми залежами. Солнечныя ночи не казались поэтичными а представлялись вполнѣ реальнымъ явленіемъ. Пройдя довольно невзрачный городъ Бодо, мы приближались къ знаменитымъ по рыбной ловлѣ Лофоденскимъ островамъ. Эти громадные скалистые острова, съ вершинами до 3000 футовъ высоты, болѣе чѣмъ на половину остаются въ постоянныхъ снѣгахъ и при полуночномъ солнцѣ вѣчные ледники ихъ, какъ хрустальные покровы, разстилаются и блестятъ тысячами цвѣтовъ. Бѣлые горные потоки, какъ серебряныя ленты, падаютъ въ море и осыпаютъ водяною пылью скалы.

Пройдя эти острова, приближаешься уже къ самымъ сѣвернымъ границамъ Норвегіи. — Здѣсь городъ Тромсо, одинъ изъ лучшихъ побережныхъ городовъ, имѣетъ три церкви, нѣсколько довольно чистыхъ улицъ, водопроводы, телеграфъ и даже весьма порядочный музей мѣстной фауны и флоры. Тутъ-же хранятся нѣкоторыя находки каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. За послѣднее время изученіе этихъ отдаленныхъ эпохъ дало прекрасные результаты. Особенно интересны могилы «Гонгрифтъ» (отъ словъ гонгъ — дорожка и грифтъ—могила). Въ нихъ хоронили отъ 50 до 100 человѣкъ, иногда въ сидячемъ положеніи. Каменный періодъ, полагаютъ, окончился за 1000 л. до Р. Х.; бронзовый — около Р. Х. Онъ раздѣляется на два періода: въ первомъ покойниковъ не жгли и вещи обыкновенно отливались, а во второмъ — покойники сжигались, а вещи начали чеканить изъ бронзы и золота; между прочимъ появились щипцы и другіе предметы. Курганы каменнаго и бронзоваго періодовъ встрѣчаются одинъ на другомъ. Желѣзный періодъ считается въ Швеціи отъ Р. Х. до половины XI ст. и подраздѣляется въ свою очередь на три періода; сжиганіе труповъ продолжалось только въ первыхъ двухъ періодахъ. При раскопкахъ кургановъ въ недавнее время найдено много золотыхъ браслетовъ, брошей, застежекъ и т. п. Кромѣ того, встрѣчались римскія вещи первыхъ вѣковъ и разныя монеты арабскія и др. Признаки письменъ — «рунъ» встрѣчаются въ находкахъ V ст. *).

Такъ какъ въ народномъ быту Норвегіи не сохранились ни

*) Om. lifvet i Sverige under Hednatiden of Oscar Montelius.

старинные костюмы, ни самый типъ селеній,—то только съ этого города среди господствующаго населенія норвежцевъ появляются мѣстные типы лопарей «Финмаркенъ», въ оригинальныхъ костюмахъ. Этотъ кочующій полудикій народъ производитъ на европейца крайне непріятное впечатлѣніе своимъ первобытнымъ отношеніемъ къ человѣку и полнымъ хладнокровіемъ къ какой-либо культурѣ. Главное занятіе ихъ, какъ и нашихъ лопарей, огромныя пастбища оленей.

Близь гор. Гамерферста находится одна очень любопытная лапландская хижина (гамме). Она имѣетъ по плану продолговатое помѣщеніе, оканчивающееся съ узкихъ сторонъ полукругами. Длина хижины 30 фут., ширина 14 фут., а высота 6 фут. Къ одной изъ длинныхъ сторонъ примыкаетъ маленькая пристройка — входъ. Въ срединѣ главнаго помѣщенія находится печь въ видѣ груды камней, а надъ нею въ крышѣ устроено отверстіе для дыма. Въ одномъ изъ полукружій помѣщаются овцы, а у стѣнъ устроены мѣста для спанья.

Въ гор. Тромсо я впервые встрѣтилъ русскаго промышленника съ Поморья, сообщившаго мнѣ интересныя свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ нашихъ поморовъ съ норвежцами и о самомъ промыслѣ.

Колок. въ с. Сорона.

Въ слѣдующемъ городѣ Гамерфестѣ были уже цѣлые десятки русскихъ судовъ, множество лопарей, коммисіонеровъ и промышленниковъ. Городъ этотъ хотя и бѣднѣе Тромсо, но жизнь въ немъ кипитъ какъ-то полнѣе. Типъ его одинаковъ съ другими видѣнными мною городами Норвегіи и только есть нѣкоторая особенность въ устройствѣ мостовыхъ и самыхъ постройкахъ; такъ первыя ограничены узкими открытыми каналами до 12 вершк. глубины, для стока большихъ весеннихъ водъ съ возвышающихся надъ самымъ городомъ горъ; далѣе за каналами идетъ широкій троттуаръ, нѣсколько приподнятый противъ мостовой, и

затѣмъ возвышаются самыя строенія, имѣющія почти всегда два этажа. Первый этажъ занятъ кладовыми и помѣщеніями для мелкаго скота, второй служитъ собственно жилымъ помѣщеніемъ; въ него ведетъ открытая лѣстница, занимающая всю ширину троттуара. На средней площадкѣ этихъ лѣстницъ, имѣющей видъ балкона, горожане, обыкновенно послѣ дневныхъ работъ, бесѣдуютъ между собою о личныхъ и общественныхъ дѣлахъ.

Почти всѣ дома обшиты тесомъ въ горизонтальномъ или въ вертикальномъ направленіи. Строятся они или изъ бревенъ (горизонтально) или представляютъ собою брусковый скелетъ, забранный пластинами (полубревнами) въ вертикальномъ направленіи, причемъ углы связываются желѣзными скобами. Лѣсъ для всѣхъ плотничьихъ работъ идетъ преимущественно изъ Россіи.

Въ Гамерфестѣ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ богатыхъ русскихъ промышленниковъ, который весьма любезно показалъ мнѣ свое судно, разсказалъ о разныхъ случаяхъ крушенія судовъ (аваріяхъ) во время плаванія и познакомилъ съ главными чертами торговыхъ сношеній русскихъ съ норвежцами. Изъ его разсказовъ видно, что торговля поморовъ рѣдко распространяется дальше Гамерфеста (иногда только въ Тромсо и ближайшія бухты). Послѣдній такимъ образомъ служитъ центромъ главной торговли. Здѣсь находится консульство, совершаются торговыя сдѣлки, нотаріальные акты и т. п. Русскіе обыкновенно везутъ въ Норвегію муку, крупу, лѣсъ и бересту, а отсюда забираютъ главнымъ образомъ рыбу, бакалейные и галантерейные товары. Торговля съ давнихъ поръ и понынѣ ведется мѣновая. Курса для нихъ не существуетъ, а потому, дѣлая труду и товару одинаковую разцѣнку, поморы только въ силу этихъ условій и находятъ выгоднымъ вести свои торговыя дѣла съ Норвегіей. Условившись въ размѣнѣ товаровъ, поморы нагружаютъ свои суда преимущественно трескою и тутъ же солятъ ее. Затѣмъ подъискавъ другіе товары, они съ полнымъ судномъ отправляются въ свои далекіе края. Судохозяева при этомъ на столько свѣдущій народъ, что сами и управляютъ судами. Послѣднія строятся на Поморьѣ преимущественно въ посадѣ Сума и въ г. Кеми самими предпринимателями торговли. Промышленники еще зимой нанимаютъ рабочихъ, въ два или три мѣсяца сооружаютъ судно и съ весеннимъ разливомъ уже поднимаютъ его вполнѣ готовымъ. Суда эти, смотря по состоятельности вла-

дѣльца, строятся одно-мачтовыя, двухъ и трехъ-мачтовыя, стоимостью отъ 1,000 до 10,000 р. и дороже. Трехъ-мачтовое судно дѣлаетъ до $8^{1}/_{2}$ узловъ въ часъ, т. е. около 15 верстъ и можетъ принять грузъ въ 15,000 пуд. Поморы обыкновенно раннею весною, какъ только проливъ около острова Моржевца освободится отъ льда, массою выходятъ въ море, затѣмъ идутъ океаномъ верстахъ въ 50-ти отъ берега, огибаютъ русскія границы и разсыпаются по разнымъ городамъ и бухтамъ, оставаясь тамъ до хорошихъ улововъ, что иногда затягивается на все лѣто. Въ Норвегіи, какъ разсказывали мнѣ нѣкоторые судовщики, русскіе промышленники испытываютъ часто различныя неудобства въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ и главнымъ образомъ потому, что въ Норвегіи являются торговыми посредниками съ нашей стороны въ качествѣ русскихъ вице-консуловъ тѣ-же норвежцы. Послѣдніе, очевидно, соблюдаютъ прежде всего интересы своей страны, а затѣмъ остаются полезными намъ только въ силу извѣстныхъ торговыхъ постановленій. Хотя въ Норвегіи и есть спеціальный русскій консулъ, но во-первыхъ одному лицу трудно вести дѣло во всѣхъ торговыхъ пунктахъ, а во-вторыхъ наши консулы, являющіеся изъ столицъ, разумѣется, не знаютъ всѣхъ нуждъ и интересовъ мѣстнаго торговаго народа и, за незнаніемъ норвежскаго языка, часто руководятся взглядами нашихъ вице-консуловъ, т. е. тѣхъ же норвежцевъ, которые, естественно, навязываютъ русскому консулу свои взгляды въ зависимости отъ личныхъ интересовъ. Не то говорили мнѣ о норвежскихъ консулахъ. Это люди часто вышедшіе изъ самаго торговаго люда. Нерѣдко напр. многіе изъ нихъ спеціально обучались русскому языку въ г. Архангельскѣ и др. мѣстахъ, сами бывали коммисіонерами, ходили на судахъ и только послѣ извѣстной практической школы выходили въ вице-консулы, а затѣмъ уже въ консулы. Само собою понятно, что послѣдніе настолько изучаютъ торговыя тайны, что наши поморы являются здѣсь людьми не только менѣе практичными, но и беззащитными,

Древніе домашн. предм. норвежц.

между тѣмъ русскіе товары — мука и лѣсъ, представляютъ болѣе существенную потребность для норвежцевъ, чѣмъ для насъ рыба, и слѣдовательно эксплуатація норвежцевъ тѣмъ болѣе печальна для поморовъ, что мы могли бы не только выйти изъ нѣкоторой зависимости, но прямо утвердить рынки въ своихъ границахъ. Этимъ, конечно, можно было-бы достигнуть болѣе выгодной для насъ мѣны товаровъ и безспорно улучшить благосостояніе всего сѣвернаго края Россіи. Оставляя это мнѣніе на судъ компетентныхъ лицъ, мы перейдемъ къ нашему дальнѣйшему путешествію.

Еще до прибытія нашего въ Гамерфестъ, солнце свѣтило непрерывно, и вотъ уже четвертыя сутки, какъ мы пробираемся шхерами, подъ его постоянными, но холодными лучами. Голыя скалы, перерѣзанныя яркими полосами снѣга и глубокими ущельями, какъ-то угрюмо сплетаются въ цѣлые ряды горъ и мрачно поднимаются надъ вами. Глубокіе фіорды, окаймленные черными берегами, далеко уходятъ въ глубь Норвегіи и тамъ гдѣ-то, въ цѣпяхъ горъ, стушевываются подъ темною холодною синевою, а тутъ могучимъ размахомъ поднялись изъ бушующихъ волнъ океана неприступныя голыя скалы и какъ бы покрылись ярко-фіолетовой тканью, изъ-за которой снѣга и ущелья, какъ на парчѣ, сквозятъ то бѣлыми, то черными густыми пятнами.

Но вотъ по направленію къ Нордкапу открылись безконечныя воды океана, разнесся глухой ревъ несмолкаемыхъ волнъ, а впереди разстилалась на водѣ громадная сѣрая масса паровъ. Эти пары постепенно поднимались и, образуя непрерывные ряды облаковъ, неумолимо надвигались на насъ. Угасающіе лучи солнца въ послѣдній разъ блеснули намъ и пароходъ врѣзался въ эту непроглядную массу. Онъ далъ медленный ходъ и пошелъ все глубже и глубже въ какое-то ущелье. Тяжелое чувство овладѣло нами и всѣ молча смотрѣли въ глубь мрака, точно стараясь объяснить себѣ это грозное явленіе. Мы шли, едва видя впередъ на три, четыре сажени. На пароходѣ поднялась страшная работа, оглушительные свистки разносились между скалъ и по степени силы эхо опредѣлялся нашъ путь; пароходъ давалъ то передній, то задній ходъ, на палубѣ пронзительно раздавались звонки и сквозь этотъ хаосъ мѣрно выкрикивались цифры промѣровъ глубины пролива. Вдругъ среди этого мрака впереди выростаютъ скалы и раздается страшный адскій вскрикъ милліарда птицъ. Это былъ какой-то протестующій, захватывающій

Нордкапъ.

душу вопль. Пароходъ моментально повернулъ въ другую сторону, опасность крушенія миновала и мы молча, подъ какимъ-то удручающимъ впечатлѣніемъ разглядывали уходящія неопредѣленныя полубѣлыя массы береговъ. Визгъ становился глуше; сквозь исчезающій туманъ показался свѣтъ и пароходъ вышелъ подъ разгоравшіеся утренніе лучи солнца. Все вдругъ оживилось, начались снова разговоры и мы получили нѣкоторыя свѣдѣнія о только что пережитомъ моментѣ. Разсказывали, что здѣсь именно находится такое ущелье, куда слетаются на ночной отдыхъ чуть-ли не всѣ птицы съ далекихъ береговъ океана, и нашъ пароходъ своимъ движеніемъ и шумомъ разбудилъ ихъ и вызвалъ такой отчаянный, протестующій крикъ. Встрѣтившіяся намъ массы густыхъ паровъ — обычное явленіе этого края; они образуются отъ льдинъ, оторвавшихся во время движенія ледниковъ на полюсѣ и несутся по поверхности болѣе теплаго теченія воды. Видъ ихъ представляетъ какъ бы безконечный изогнутый параллелепипедъ высотою въ нѣсколько десятковъ, а шириною въ нѣсколько сотенъ саженъ. При этомъ пары идутъ не всею массою, которая образуется на полюсѣ, а отдѣльными полосами, такъ что намъ приходилось ѣхать какъ бы черезъ цѣлый рядъ туннелей. Отъ такихъ паровъ и свѣтопреломленій въ нихъ

доводилось наблюдать чрезвычайно оригинальныя картины, но всѣ онѣ смѣнялись одна другою и передъ нами мало-по-малу возростала одна общая грозная картина самыхъ сѣверныхъ окраинъ Норвегіи. Здѣсь нѣтъ никакого рожденія, никакой жизни; голыя угрюмыя скалы, снѣга и туманы — вотъ вѣчныя суровыя картины этого края.

Съ Маазо мы повернули въ проливъ и какъ-то робко стали проходить между безконечно-печальными отрогами голыхъ скалъ. Минуя затѣмъ фіорды Порсангеръ и Лате, которые также были покрыты непрогляднымъ туманомъ, мы наконецъ разстались со шхерами и вышли въ открытый океанъ. Огромный красный дискъ солнца потухалъ и казался совершенно безжизненнымъ; окружающая природа не дышала ни мечтой, ни волнующей поэзіей, она склоняла только къ вопросамъ ума и примиренія съ безконечнымъ, безъисходнымъ и безъизвѣстнымъ. Наступила полночь. Солнце, далеко не дойдя до горизонта, стало снова подниматься, его блѣдные лучи, едва отражаясь въ водѣ, уходили въ безконечную даль океана и тамъ вдали съ одной стороны сквозь чистую синеву гордо поднимался отвѣсной скалою Нордкапъ, а съ другой, куда приближались мы, высился угрюмый Нордкинъ. Это было подъ 72° сѣв. шир. Мы обогнули Нордкинъ и стали спускаться къ Вардо. Рядъ тяжелыхъ впечатлѣній смѣнился новыми ощущеніями. Мы прибыли въ городъ Вардо, гдѣ русскій пароходъ «Архангельскъ» поджидалъ насъ, чтобы показать не менѣе грустные берега Мурмана. Заинтересовавшись норвежскимъ пограничнымъ городомъ Вардо, я ознакомился съ его внѣшнимъ видомъ и производительностью. Рыба здѣсь, конечно, играетъ первенствующее значеніе и за отсутствіемъ санитарныхъ требованій городъ страдаетъ міазмами. Городскіе дома почти всѣ деревянные и кажутся зажиточными, но улицы чрезвычайно грязны. Лавки сгруппированы на одной улицѣ и торговля ведется преимущественно заграничными товарами. Въ концѣ города на возвышеніи находится старинная крѣпость. Она небольшихъ размѣровъ и хотя поддерживается, но имѣетъ скорѣе историческое значеніе, чѣмъ практическое. Осмотрѣвши г. Вардо, я собрался съ моимъ попутчикомъ, академикомъ П. А. Черкасовымъ, ѣхать на лодкахъ въ Печенгскій монастырь; но крайнія неудобства этого сообщенія, предсказанныя мѣстными жителями, и недостатокъ времени заставили насъ перейти на пароходъ «Архангельскъ» и прямо направиться въ гор. Колу.

Русскій Печенгскій монастырь. Китобойный заводъ общества Ара. Охота на китовъ. Городъ Кола. Мурманскій берегъ. Рыболовные промыслы.

Прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ путешествіи, я позволю себѣ упомянуть о Печенгскомъ монастырѣ, этомъ первомъ свѣтильникѣ Христовой вѣры на самыхъ сѣверныхъ окраинахъ Россіи. Уединенный монастырь этотъ находится на границѣ Норвегіи и Россіи, на рѣкѣ Печенгѣ, впадающей въ Печенгскую губу (верстахъ въ 45 отъ океана). Въ эти-то отдаленныя мѣста, полныя глубокой тишины и чуждыя всякихъ страстей, еще въ XV вѣкѣ пришелъ Преп. Трифонъ и насадилъ христіанство среди языческаго племени лопарей. На огромномъ пространствѣ всего полуострова тогда еще не было ни одной церкви и только упоминается въ лѣтописяхъ о часовнѣ въ гор. Колѣ. Когда же имя Христово стало святымъ для лопарей, Преп. Трифонъ отправился въ Новгородъ, откуда снова пришелъ сюда съ грамотою отъ Новгородскихъ владыкъ на построеніе церкви и съ нѣсколькими мастерами, которые и выстроили здѣсь первую деревянную церковь. Іеродіаконъ Соловецкаго монастыря Ѳеодоритъ переводитъ на лопарскій языкъ главныя церковныя книги, и новое христіанское ученіе широкимъ лучемъ освѣтило весь Мурманъ. Іоаннъ Грозный пожаловалъ этому монастырю окрестныя владѣнія, что дало матеріальное обезпеченіе новой общинѣ. Во время войны царя Ѳеодора (1590 г.) съ нѣмцами, шведы, владѣвшіе Финляндіей, напали на монастырь, разграбили его и перебили почти

всѣхъ монаховъ. Съ этихъ поръ обитель оставалась забытой и только въ послѣдніе годы, по случаю трехсотлѣтія кончины Преп. Трифона, рѣшено было возобновить ее. Несомнѣнно, что церковь въ этихъ отдаленныхъ краяхъ сослужитъ великое дѣло: она станетъ не только дорогимъ духовнымъ пристанищемъ всего приходящаго люда, изнывающаго здѣсь въ непосильныхъ трудахъ, но и будетъ содѣйствовать улучшенію матеріальнаго быта мѣстныхъ жителей. Существующая нынѣ церковь надъ мощами Преп. Трифона построена въ 1709 г. Она состоитъ изъ прямоугольнаго невысокаго сруба — собственно церкви, и небольшой паперти. Надъ церковью возвышаются два, одинъ надъ другимъ, восьмерика съ главкою, а надъ папертью—невысокая колокольня.

Продолжая путешествіе русскими берегами, мы обошли нѣсколько факторій и, обогнувъ рабочій полуостровъ, прибыли въ бухту Ара. Здѣсь, благодаря весьма любезному вниманію къ намъ директора китобойнаго завода общества Ара, я довольно подробно ознакомился не только съ устройствомъ самаго завода, но и со способами китовой ловли. Дѣло это мнѣ показалось настолько интереснымъ, что я позволю себѣ, хотя коротко, остановиться на немъ. Обыкновенно большой буксирный быстроходный пароходъ съ разными приспособленіями и достаточнымъ экипажемъ, отправляется верстъ на 30 или на 40 въ глубь океана. На пароходѣ въ особо приспособленной коробкѣ подымается на мачту спеціальный наблюдатель, который зорко высматриваетъ первое появленіе кита. Китъ, выходя на поверхность воды, обыкновенно выпускаетъ изъ носовыхъ отверстій высокіе фонтаны черезъ нѣкоторые промежутки времени ($1^1/_2$ мин.), по числу которыхъ (отъ 12—20) узнаютъ его спокойное или раздраженное состояніе. Какъ только фонтаны показались на поверхности воды, пароходъ начинаетъ быстро ходить по направленію движенія кита, который, въ свою очередь, замѣтивъ пароходъ, дѣлаетъ различные круги и неправильные повороты. Соображаясь съ этими направленіями, китоловы выбираютъ удобный моментъ, чтобы пустить въ кита снарядъ съ разрывною гранатою. Этотъ снарядъ, называемый гарпуномъ, имѣетъ слѣдующее устройство и приспособленія: на носу парохода настилается родъ помоста, къ концу котораго на лафетѣ прикрѣпляется пушка, поворачивающаяся въ разныя стороны и вѣсящая до 30 п., съ калибромъ $2^1/_4$ вер. Пушка заряжается обыкновеннымъ порохомъ и затѣмъ

въ нее вставляется гарпунъ; но чтобы послѣдній отъ сильнаго взрыва пороха не попортился, кладутъ между нимъ и порохомъ эластическій пыжъ. Желѣзный гарпунъ, длиною до двухъ аршинъ, состоитъ: 1) изъ коническаго ядра, начиненнаго взрывчатымъ веществомъ, 2) изъ раздвижныхъ крюковъ и 3) изъ стержня. Послѣдній имѣетъ во всю длину разрѣзъ, по которому скользитъ желѣзное кольцо, прикрѣпленное къ длинному канату, сложенному на палубѣ. Средняя часть гарпуна снабжена двумя или тремя острыми крюками на шарнирахъ, вмѣстѣ сходящихся внутри, и въ то время, когда граната навинчена на эту часть гарпуна, т. е. когда снарядъ готовъ къ дѣлу, крюки плотно прилегаютъ къ стержню; въ этомъ видѣ стержень гарпуна вставляютъ въ пушку, а кольцо отодвигаютъ къ средней части гарпуна, чтобы при вылетѣ послѣдняго изъ пушки, канатъ не получилъ бы слишкомъ сильнаго движенія и не оторвался бы отъ кольца. Далѣе, около пушки придѣлана полка, на которой лежитъ достаточной длины канатъ, одинъ конецъ котораго прикрѣпленъ, посредствомъ упомянутаго кольца, къ гарпуну, а другой идетъ въ трюмъ къ запаснымъ тюкамъ каната и можетъ быть посредствомъ особаго ворота отпущенъ и притянутъ, смотря по быстротѣ движенія раненаго кита *).

Такимъ образомъ, какъ только представится удачный моментъ для борьбы, раздается выстрѣлъ, и двухъ-аршинный гарпунъ мгновенно входитъ внутрь животнаго. Канатъ моментально натягиваютъ, крюки,

*) Киты подраздѣляются на полосатиковъ (самые большіе) и на длиннорукихъ.

сходясь въ видѣ якоря, сдавливаютъ въ своемъ основаніи (у шарнировъ) пистонъ и разрывъ гранаты въ тѣлѣ животнаго становитъ борьбу двухъ морскихъ колоссовъ на жизнь и смерть. Китъ, бѣснуясь отъ страшной боли, какъ стрѣла бросается изъ стороны въ сторону, а пароходъ, отдавая канатъ, какъ громадная птица, съ двумя широкими и бѣлыми крыльями изъ пѣны, носится съ какою-то изступленною быстротою. Но скоро силы кита ослабѣваютъ, кровяные фонтаны, какъ рубиновый дождь, сверкаютъ среди огромныхъ волнъ океана, и пароходъ, собирая канатъ, окончательно парализуетъ силы животнаго. Борьба иногда продолжается цѣлыя сутки и болѣе, наконецъ оканчивается полнымъ изнеможеніемъ кита, и его притягиваютъ къ бортамъ парохода. Послѣдній уже медленно, но съ какой-то торжественностью возвращается домой съ желанною добычею.

Во время прилива воды, кита оставляютъ у самаго завода, а при отливѣ вырѣзаютъ подкожное сало и внутренній жиръ, тушу же снова отталкиваютъ въ воду на якорѣ. Вырѣзанные пласты тянутъ приводомъ по наклонной плоскости во второй этажъ завода на плоскіе ящики, а оттуда особымъ приспособленіемъ эти пласты спускаютъ подъ гильотину. Послѣ этого рубленое мясо перевозятъ на тачкахъ въ чугунные котлы, вмѣщающіе въ себѣ 23 мѣры (мѣра — 10 пуд.). Котлы эти герметически закупориваютъ и впускаютъ въ нихъ паръ, который, разваривая сало, даетъ три слоя жира. Каждый слой можетъ быть отведенъ въ резервуары отдѣльно посредствомъ особыхъ крановъ. Верхній слой жира самый лучшій. Гуща, образовавшаяся на днѣ котловъ, иногда снова переваривается. Туша и кости также обработываются на нѣкоторыхъ заводахъ въ гуано, которое идетъ за границу на удобреніе почвы. Для этого мясо и кости поднимаютъ во второй этажъ, и тамъ мясо идетъ подъ одну гильотину, а кости подъ другую, причемъ рубленные куски прямо попадаютъ въ тачки съ вертикальною перегородкою для тѣхъ и другихъ кусковъ; затѣмъ эти тачки снова поднимаютъ по рельсамъ во второй этажъ, гдѣ мясо погружаютъ въ горизонтальные котлы, имѣющіе по два отверстія, а кости въ вертикальные котлы. Послѣ герметической укупорки котловъ, мясо и кости подвергаютъ сильному пару, вываренныя кости мелютъ въ муку, просѣиваютъ и разсыпаютъ въ мѣшки, а вываренное сало сливаютъ по общему желобу въ деревянные чаны. Жиръ перваго

сорта почти бѣлаго цвѣта, втораго — желтаго, третьяго — бураго. Кромѣ жиру, идущаго въ большомъ количествѣ за границу, здѣсь выработываются консервы изъ мяса, идущіе для пищи народа въ Испанію, и китовый усъ.

Пройдя нѣсколько далѣе, я со своимъ товарищемъ по путешествію, остановился на другомъ заводѣ Общества русскихъ китобойныхъ промысловъ, гдѣ мы были также почтены любезнымъ пріемомъ и осмотрѣли всѣ приспособленія завода. Здѣсь туши и кости не обработываются и китовая охота въ количественномъ отношеніи идетъ болѣе счастливо, чѣмъ въ предъидущемъ. Директоромъ послѣдняго завода были любезно предложены намъ два зародыша кита и нѣсколько другихъ весьма любопытныхъ предметовъ; но, къ сожалѣнію, пароходъ «Архангельскъ», на которомъ они были отправлены, во время его возвращенія въ Петербургъ, разбился и погибъ въ Норвегіи.

22-го іюня, въ солнечную полночь, среди радушныхъ проводовъ, мы вышли изъ заводской бухты и стали входить въ Кольскую губу. Солнце освѣщало тихія воды залива и по берегамъ разстилались мелкіе сосновые лѣса. Не дойдя четырехъ верстъ до Колы, пароходъ остановился и мы принуждены были отправиться въ городъ на лодкахъ. Кола считается первою колоніею на Мурманскихъ берегахъ. Объ ней упоминается въ лѣтописяхъ еще въ 1264 году; но кто были ея первые поселенцы — неизвѣстно, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что это были Новгородскіе выходцы. Во всякомъ случаѣ эти поселенцы положили начало нашимъ рыбнымъ промысламъ и въ послѣдующіе вѣка привлекли массу новыхъ предпринимателей изъ разныхъ мѣстъ Архангельской и Вологодской губерній. При Грозномъ г. Кола именовался Острогомъ и служилъ для ссылки государственныхъ преступниковъ. Ограниченіе и нижнія части нѣкоторыхъ башень древняго острога еще замѣтны и въ настоящее время. При Екатеринѣ I-й онъ былъ переименованъ въ уѣздный городъ, но послѣ разоренія его англичанами, оставался заштатнымъ городомъ. Въ настоящее время Кола по своей внѣшности нисколько не больше и не богаче простаго села; даже тѣ дома, гдѣ помѣщается администрація, представляютъ собою жалкія одно-этажныя строенія.

Вообще не только во внѣшности города, но и во внутренней жизни лежитъ какая-то печальная гармонія съ окружающею его природою.

Древній деревянный, 18-ти-главый соборъ (какъ видно изъ одного стариннаго рисунка), весьма интересный по своимъ формамъ, ужъ давно сгорѣлъ и мнѣ пришлось осмотрѣть только слѣды его основанія. Соборъ этотъ, судя по сохранившимся очертаніямъ фундамента, состоялъ изъ главнаго и двухъ боковыхъ придѣловъ. Главный имѣлъ по плану видъ креста и окружался широкой галлереей, изъ которой проходили и въ придѣлы. Входы были расположены съ сѣверной и южной сторонъ, въ видѣ широкихъ крылецъ. Длина храма по сѣверо-южному направленію простиралась до 18 саж., а ширина отъ востока къ западу до 10 саж. Наружный видъ собора, судя по формамъ и размѣрамъ основанія его, а также по дошедшему до насъ рисунку и разсказамъ жителей, былъ чрезвычайно величественный и необыкновенно красивый.

Существующая нынѣ кладбищенская церковь Св. Троицы (1727 г.) по простотѣ своихъ формъ мало интересна (колокольня ея показана на прилагаемомъ рисункѣ). Другая старинная церковь сильно передѣлана. Въ городѣ Колѣ имѣется метеорологическая станція и административный пароходъ, съ помощью котораго и ведется управленіе всѣмъ Мурманскимъ берегомъ.

Предполагая изъ г. Колы пробраться чрезъ Лапландію къ Бѣлому морю на Кандалакшу, мы получили отъ исправника слѣдующія свѣдѣнія о способахъ сообщеній между этими двумя пунктами. Зимою переправляются обыкновенно на оленяхъ, или просто на лыжахъ. (Лошадей въ Колѣ — только одна, откуда ее по мѣрѣ надобности перевозятъ на пароходѣ по всему Мурману).

Позднимъ лѣтомъ, когда снѣга стаиваютъ и болота просушиваются, болѣе 100 верстъ ѣдутъ озерами въ лодкахъ, а остальную часть пути, около

100 верстъ, идутъ пѣшкомъ. Въ то же время, когда предполагалось наше путешествіе (23-го іюля) по этимъ мѣстамъ, никакія сообщенія были немыслимы, такъ какъ озера были еще во льду, а остальная часть пути представляла собою непроходимыя болота. Такимъ образомъ проектированный путь былъ невозможенъ, мы принуждены были вернуться на пароходъ и направиться берегами Мурмана въ г. Архангельскъ.

Выходя изъ Кольской губы, я разговорился о разныхъ курьезахъ среди интеллигенціи г. Колы, о всевозможныхъ невзгодахъ, особенностяхъ этого края и о самой жизни мѣстнаго народа, протекающей среди невеселой природы, покрытой то трехъ-мѣсячнымъ днемъ, то одною длинною ночью. «Зима у насъ долгая — говорятъ мурманскіе поселенцы,—да лютая, и живемъ мы, этакъ, всю зимушку студеную, въ потьмахъ, вплоть до Евдокей до самыхъ (1-го марта). Прогнѣвили мы видно Царя Небеснаго, изобидѣли Его, Батюшку, своимъ житьемъ непотребнымъ,—не свѣтитъ Онъ украинъ нашихъ, палестинъ холодныхъ, и кабы на то время не мѣсяцъ, да не сполохи (сѣверное сіяніе), да не снѣгъ нашъ бѣлый-пребѣлый—стоялъ бы мракъ неописуемый и ходили бы въ слѣпотѣ несказанной. Когда у насъ утренняя заря, когда вечерняя и когда полдень, мы эту пору не вѣдаемъ. Съ Евдокей гостенекъ нашъ дорогой выглянетъ крайкомъ этакъ, тамъ, по маломъ времени, запаздывать начнетъ все больше, да больше, а потомъ, ясный нашъ батюшка, и совсѣмъ не станетъ хорониться, а стоитъ такъ, почитай, недѣль 12-ть, съ залишкомъ, надъ головушками нашими горемычными и надъ Колою родной нашею. Стоитъ, этакъ, наполдень, такое ясное, да красное, какъ есть лѣтнее, а станетъ опускаться на-полуночь и гляди на него безъ опаски — не слѣпитъ очей, не зоветъ слезы, стать оно ровно бы уголь разгорается и все больше да больше дѣлается, кажись бы ихъ вотъ десять въ одномъ-то, а свѣтъ разливаетъ оно на ту пору таковой умильный, да красовитый, точно бы фольговый. Смотришь, этакъ, на все твореніе Божіе кругъ себя, и на землю матушку, и на деревья, и на поляны, и не налюбуешься. Все-то тебѣ видно, да ясно таково, и не токмо что близко, а и даль-то такъ показуется во всей красотѣ и приглядности своей. И таково-то у тебя на душѣ хорошо станетъ, что и сказать не можно, возрадуешься сердцемъ несказанно и духъ твой словно бы вотъ взлетѣть хочетъ, да крылецъ не маетъ... Да, великъ Господь милосердный, и нѣтъ конца дѣлъ въ руцѣхъ его!..

«Рѣдко оно тоже любуешься-то этимъ зрѣлищемъ, — работа у насъ по ту пору горячая, всѣ на промыслахъ маемся».

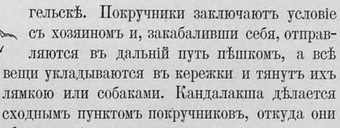
На этихъ-то пресловутыхъ мурманскихъ промыслахъ мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться. Мурманской берегъ, названіе котораго производятъ отъ «Норманъ», «Муръ-манъ» (Мать-человѣкъ) и т. п., имѣетъ до 40 становищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заселены колонистами. Послѣдніе вышли сюда на извѣстныхъ льготахъ, обнародованныхъ правительствомъ въ 1876 г., въ виду улучшенія мурманскихъ промысловъ. Этими льготами полагалось привлечь сюда капиталистовъ, которые бы могли расширить промыслы и этимъ поднять благосостояніе всего края, но на дѣлѣ вышло не такъ: капиталисты, правда, явились, но не многіе и, вслѣдствіе весьма малой конкурренціи, сдѣлались монополистами, что тотчасъ же не замедлило отразиться на остальной поселившійся и приходящій сюда рабочій людъ.

Главный контингентъ промышленниковъ составляютъ здѣсь поморы, остальные—колонисты (русскіе и норвежцы) и разный приходящій людъ; кромѣ того, встрѣчаются и лопари.

Промыслы ведутся хозяевами и покручниками (работниками) на правилахъ общей дѣлежки. Покручникъ, уходя на промыслы, получаетъ отъ хозяина задатокъ — покрутъ, въ видѣ небольшой суммы денегъ, муки, крупы, чаю и т. п.; кромѣ того хозяинъ обязывается платить подати за покручника. Весь этотъ задатокъ ставится въ счетъ покручнику гораздо дороже (почти вдвое) обыкновенной цѣны, и это составляетъ процентъ за ссуду.

Всѣ принадлежности, необходимыя для промысловъ,—шняка (лодка), снасти и т. п. даются хозяиномъ, хотя потомъ за нихъ уплачиваютъ тѣ же покручники. Въ концѣ промысловъ весь уловъ рыбы сдается хозяину, который получаетъ $^2/_3$ всего улова, а одну треть дѣлятъ на всѣхъ покручниковъ, и они обязаны продавать свою часть тому же хозяину. На каждое промысловое судно полагается 4 человѣка — кормщикъ, тяглецъ, весельщикъ, наживляльщикъ и, кромѣ того, мальчикъ — зуйка. Кормщикъ получаетъ, помимо одинаковой суммы съ остальными покручниками, еще половину такой же суммы отъ хозяина, сверхъ того, такъ называемый, свершенокъ, равный четверти доли каждаго покручника. Работники, кромѣ $^1/_3$ улова рыбы, получаютъ $^2/_3$ тресковыхъ языковъ, вязиги и сушеныхъ тресковыхъ головъ.

Наемъ покручниковъ большею частью происходитъ въ Архан-



гельскѣ. Покручники заключають условіе съ хозяиномъ и, закабаливши себя, отправляются въ дальній путь пѣшкомъ, а всѣ вещи укладываются въ кережки и тянутъ ихъ лямкою или собаками. Кандалакша дѣлается сходнымъ пунктомъ покручниковъ, откуда они партіями проникаютъ сначала до станціи Ростъ-Наволокъ, а затѣмъ пѣшкомъ и на оленяхъ разсыпаются по становищамъ Мурмана. Здѣсь-то собственно и лежитъ начало тяжелаго удѣла покручниковъ, страшной борьбы за существованіе. Сотни верстъ идутъ они, иногда не встрѣчая даже лопарской тупы (избы), нѣтъ для нихъ ни постоялыхъ дворовъ, гдѣ бы они могли согрѣтся и отдохнуть, нѣтъ у нихъ ни надеждъ на лучшее, ни помощи въ застигнутыхъ на дорогѣ страданіяхъ.

Идутъ они еще раннею весною, въ морозы и глубокіе снѣга, отдыхая часто подъ открытымъ небомъ; отмораживаютъ себѣ ноги, руки, подвергаются цынгѣ, страшнымъ ревматизмамъ и, едва достигнувъ своихъ роковыхъ становищъ, въ мокрыхъ одеждахъ скучиваются въ избы съ какими-нибудь тремя, четырьмя кубич. саж. воздуха. А дальше еще болѣе невеселыя картины. Въ бури, холода и туманы они выходятъ въ маленькомъ открытомъ суднышкѣ въ океанъ, проводятъ тамъ цѣлыя сутки и нерѣдко, застигнутые непогодой, дѣлаются жертвою суровыхъ волнъ океана, и тогда новый стонъ, новыя страданія покинутой въ далекомъ Поморьѣ, бѣдной, горемычной семьи. Да, горько, читатель, горько живется этому народу!

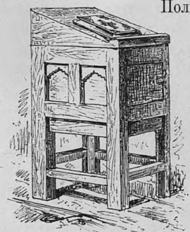
Главные промыслы заключаются въ ловлѣ трески, затѣмъ палтусины, камбалы, зубчатки и др. рыбы. Вся эта рыба идетъ весною къ берегамъ для метанія икры и въ то же время гонится за мойвой, которая, въ свою очередь, бѣжитъ отъ нихъ и попадается въ руки другаго врага — человѣка и служитъ наживкою для трески. Мойва ловится особенными мойвенными неводами *), а наплывъ ея узнается по чайкамъ, которыя большими стаями слетаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появляется мойва во

*) Эти сѣти подводятъ ко дну моря и съ четырехъ елъ (норвежскія лодки) тянутъ ихъ въ формѣ кошельковой сумы, захватывая встрѣчную мойву.

время весенняго улова, продолжающагося съ 1-го апрѣля по 1-е іюня. Промышленники не солятъ треску, а, за исключеніемъ палтусины, продаютъ ее въ свѣжемъ видѣ и вяленою; послѣднюю предварительно разрѣзаютъ, вынимаютъ хребетную кость и, связывая по-парно, сушатъ на горизонтальныхъ жердяхъ, укрѣпленныхъ въ вертикальныя стойки. Послѣ весенняго главнаго улова наступаетъ менѣе важный лѣтній уловъ, продолжающійся съ 1-го іюня по 1-е августа, причемъ для наживки употребляютъ рыбу-песчанку (родъ снѣтковъ) или же червяковъ. Третій же незначительный осенній уловъ (съ 1-го августа по 1-е октября) производится только днемъ, такъ какъ ночью почти нѣтъ возможности избавиться отъ акулъ и морскихъ звѣрей, которые не только разгоняютъ рыбу, но и съѣдаютъ пойманную прямо съ крючковъ яруса (промысловой снасти).

Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ покручники выѣзжаютъ въ море на промыселъ отъ 20 до 35 разъ, смотря по погодѣ и состоянію ихъ здоровья (если даже одинъ изъ покручниковъ захворалъ или запьянствовалъ, то всѣ работы останавливаются). Когда промышленники въ морѣ, то становища пустуютъ и остаются только зуйки (мальчики), на обязанности которыхъ лежитъ изготовленіе пищи, горячей воды, сушка снастей и т. п.

Ловля рыбы производится у нихъ почти исключительно ярусами, между тѣмъ какъ въ Норвегіи преимущественно удочками.



Полный ярусъ состоитъ изъ 40 тюковъ (тюкъ — связка веревокъ = 180 саж.); къ каждому тюку привязаны по три стоянки — веревки, толщиною въ мизинецъ, а длиною до 50 саж. Между этими стоянками навязывается рядъ коротенькихъ веревочекъ, длиною въ 1¼ арш. и въ разстояніи одна отъ другой до 3 арш.; на концахъ этихъ веревочекъ придѣланы крючки, на которые сажаютъ наживку. Тюки, когда ихъ отпускаютъ на воду, связываютъ между собою, и тогда образуется полный ярусъ, длиною въ 6000 саж.; когда же ярусъ вынимаютъ изъ воды, то его постепенно развязываютъ на отдѣльные тюки. Отправляясь въ море, промышленники берутъ съ собою бочку воды, хлѣбъ и котелокъ для варки пищи. Выйдя,

такимъ образомъ, на промыслъ, кормщикъ выбираетъ мѣсто ловли и прежде чѣмъ закинуть ярусъ, замѣчаетъ, приблизительно, на сколько верстъ они отъѣхали отъ берега (среднее разстояніе около 15 верстъ) и противъ какихъ мѣстъ находятся, чтобы послѣ бури можно было оріентироваться и разыскать яруса.

Избравъ мѣсто для ловли рыбы, закидываютъ первую стоянку съ якоремъ, а на поверхности, гдѣ она связывается съ тюкомъ, прикрѣпляютъ поплавокъ; далѣе выбрасываютъ другія стоянки съ якорями и поплавками и такимъ образомъ ярусъ въ работѣ. Къ послѣдней стоянкѣ покручники привязываютъ шняку и начинаютъ варить себѣ пищу или же ложатся отдыхать. Спустя 12—15 часовъ послѣ того какъ былъ закинутъ ярусъ, тяглецъ постепенно вытаскиваетъ его и снимаетъ съ крючковъ рыбу при помощи особаго колеса, придѣланнаго къ борту шняки. По мѣрѣ же того, какъ рыба снимается, наживщикъ завязываетъ крюки, чтобы они не перепутались. Снявши съ яруса до 1000 пудовъ рыбы, покручники отправляются на становища. Тамъ отрѣзаютъ рыбьи головы, распластываютъ ихъ и сушатъ на солнцѣ. Головы эти скупаются норвежцами для скота и удобренія почвы— бѣдный же людъ Архангельской губерніи питается ими. Соленіе рыбы падаетъ на весельщика и кормщика, которые относятся къ дѣлу довольно небрежно; они часто медлятъ солить ее, такъ что рыба начинаетъ уже подвергаться гніенію; кромѣ того, изъ экономіи, они употребляютъ для солки рыбы недостаточное количество соли. Изъ печенки тресковой рыбы приготовляютъ сало, для чего печенки складываютъ въ чаны, подвергаютъ дѣйствію солнечныхъ лучей и послѣ процесса броженія чистый жиръ выдѣляется, а вода и кровь отстаиваются и за непригодностью выпускаются чрезъ краны, находящіеся въ чанахъ.

Относительно дѣлежки всей добычи между хозяиномъ и покручниками можно сказать, соображаясь съ цифровыми данными объ уловѣ и продажѣ рыбы, что дѣло это для рабочихъ поставлено самымъ несправедливымъ образомъ. Часто ничтожный капиталъ положительно недобросовѣстно эксплуатируетъ трудъ цѣлой сотни и даже тысячи народа; хозяинъ, ничего не дѣлая, получаетъ $^2/_3$ дохода, а масса людей, изнывающихъ подъ тяжелыми работами, едва, едва прокармливаетъ свою семью. По наблюденіямъ мѣстнаго доктора г. Гуревича, дѣлежка должна бы, при образованіи особыхъ артелей и при поддержкѣ правитель-

ства, перейти обратно, т. е. $^{2}/_{3}$ всего улова слѣдовало бы получать рабочимъ, а $^{1}/_{3}$ хозяину, и это было бы болѣе равномѣрно.

Кромѣ описанной формы образованія промысловъ изъ хозяевъ и покручниковъ, существуютъ еще отдѣльные небольшіе кружки съ хозяиномъ во главѣ. Послѣдній поднимаетъ одну или двѣ шняки и самъ идетъ за кормщика. Иногда же шняка состоитъ изъ 4 хозяевъ, имѣющихъ на общій счетъ шняку, ярусъ и прочія принадлежности. Такіе хозяева дѣлятъ добычу поровну и живутъ гораздо лучше покручниковъ.

Всѣхъ шнякъ по западной и восточной сторонѣ Мурмана около 700 и болѣе, число же промышленниковъ съ зуйками доходитъ до 5000 человѣкъ. Шняка обыкновенно не снабжена спасательными снарядами и въ сильныя бури или отъ чрезмѣрной нагрузки ее рыбою, не мало народу дѣлается жертвою и безъ того непривѣтнаго для нихъ моря.

По нѣкоторымъ исчисленіямъ, уловъ мурманскихъ промышленниковъ достигаетъ до 1.077,000 пудовъ, изъ которыхъ $^{1}/_{3}$ идетъ въ Петербургъ, другая треть вялится и расходуется за границу. Остальная же часть идетъ въ Архангельскъ; но такъ какъ треска составляетъ какъ бы необходимый жизненный продуктъ въ Архангельской губерніи, то доставляемое сюда количество рыбы съ Мурманскаго берега оказывается крайне недостаточнымъ и въ громадномъ количествѣ (въ полтора раза и болѣе всего мурманскаго улова) везется изъ Норвегіи.

По наблюденіямъ промышленниковъ, прежніе уловы на нашихъ и норвежскихъ берегахъ ежегодно увеличивались, причемъ уловъ норвежцевъ былъ всегда значительно больше нашего и вотъ по какимъ причинамъ: треска, какъ извѣстно, идетъ для метанія икры къ берегамъ, омывающимся болѣе теплымъ *экваторіальнымъ* теченіемъ, потому что тресковые зародыши въ такихъ мѣстахъ не только лучше развиваются, но и имѣютъ большую пищу. Кромѣ того, въ силу природы, треска идетъ въ это время въ болѣе глубокія мѣста, дабы полное спокойствіе могло способствовать скорѣйшему развитію ихъ зародышей, и такъ какъ экваторіальное теченіе, идущее изъ Мексиканскаго залива, прежде всего омываетъ берега Норвегіи, а къ намъ идетъ уже менѣе теплое, и глубина моря въ Норвегіи, какъ извѣстно, значительно больше глубины водъ Мурмана, то въ силу этихъ главныхъ условій норвежцы имѣютъ всегда большій и ранній уловъ, чѣмъ

мы. Кромѣ этихъ обстоятельствъ несомнѣнно важно и то, что норвежцы значительно лучше обставили свои промыслы. Такъ, у нихъ имѣется всегда удобное сообщенiе между становищами и дешевая продажа съѣстныхъ припасовъ (даже мука, доставляемая изъ Архангельска, дешевле въ Норвегiи, чѣмъ на Мурманѣ). Затѣмъ, у нихъ не существуетъ покручничества, правильно поставлена санитарная часть, всегда поддерживается солидарность администрацiи и промышленниковъ, вслѣдствiе чего промыслы съ каждымъ годомъ улучшаются. Далѣе, въ Норвегiи всѣ промышленники занимаются ловлею почти у своихъ же селенiй, гдѣ есть удобныя помѣщенiя, телеграфъ и др. удобства. Между тѣмъ какъ наши промыслы не только не имѣютъ должныхъ приспособленiй, но и самый народъ, прежде чѣмъ начать дѣло, вынужденъ пройти чуть ли не тысячи верстъ пѣшкомъ.

Наконецъ, мы замѣчаемъ, напр., такое неблагопрiятное явленiе для нашихъ промышленниковъ: какой-нибудь зуйка, перейдя степень наживляльщика, весельщика, тяглеца и кормщика, скопивши небольшiя деньженки, выходитъ хозяиномъ и вскорѣ оканчиваетъ свои промыслы. Онъ строитъ себѣ маленькое суденышко и переходитъ на мѣновую торговлю съ норвежцами, которая значительно легче и выгоднѣе. Такимъ образомъ, наша торговая флотилiя хотя увеличивается съ каждымъ годомъ, но самые промыслы за послѣднiе года стали упадать, причемъ, конечно, спросъ на рабочiй трудъ дѣлается меньше и цѣнится дешевле *).

Кромѣ всѣхъ неблагопрiятныхъ условiй, въ которыя поставлены наши рыбные промысла, еще лежитъ въ народѣ глубокою язвою повсемѣстное пьянство, и сколько ни старались уменьшить его, все было тщетно и только запрещенiе открытой продажи норвежскаго рома имѣло довольно благопрiятные результаты. Разумныя мѣры къ уменьшенiю этого страшнаго зла, въ которомъ, къ сожалѣнiю, покручники находятъ единственныя отрадныя минуты своей тяжелой жизни, несомнѣнно могли бы хотя нѣсколько обезпечить матерiальное положенiе осиротѣлыхъ, несчастныхъ семей покручниковъ. Санитарный вопросъ на Мурманѣ, благодаря предсѣдателю Архангельскаго общества Краснаго Креста, князю Н. Д. Голицыну, а также гг. Дементьеву и Гуревичу, поставленъ въ

*) Въ настоящее время по Мурману уменьшается и количество рыбы. Это, говорятъ, происходитъ отъ того, что китовая охота ведется слишкомъ близко отъ берега, вслѣдствiе чего киты, а съ ними и вся мелкая рыба, стали удаляться отъ береговъ.

настоящее время весьма удовлетворительно. Въ Териберкахъ, Семи Островахъ и другихъ селеніяхъ находятся довольно чистенькіе пріемные покои и передвижные лазареты. Уходъ за больными производится видимо съ большимъ участіемъ. Кромѣ того, во время промысловъ, врачъ разъѣзжаетъ по становищамъ и даетъ необходимую помощь заболѣвшимъ. Самый большой процентъ болѣзней составляютъ: язвы, порѣзы, уколы и т. п.; другой, тоже не малый процентъ болѣе тяжкой болѣзни — цынга *).

Разставаясь съ этими безотрадными краями, мы прошли Териберки, Луды, Семь Острововъ и при густомъ туманѣ, а затѣмъ при сильномъ вѣтрѣ, захватившемъ насъ у Святаго Носа, благополучно стали приближаться къ острову Моржевцу. Наконецъ 26-го іюля, истомленные морскими плаваніями, мы прибыли въ гор. Архангельскъ и отсюда начались мои занятія по изслѣдованію сохранившихся памятниковъ древняго русскаго искусства на Поморьѣ.

Пергаментная рукопись XV ст., хранящаяся въ ризницѣ Крестнаго монастыря.

*) Промышленники страдаютъ цынгой большею частью по приходѣ на станoвища, вслѣдствіе страшнаго утомленія и болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха по приходѣ на промыслы. Къ тому же, конечно, пагубно вліяетъ перемѣна климата и крайнее неблагоустройство ихъ жилищъ.

Гор. Архангельскъ. Никольскій мон. Посады Ненокса и Уна. Старинныя церк. вещи. Г. Онега. Крестный мон. Путеш. Бѣл. мор. въ лодкахъ. Посадъ Сума. Г. Кемь и с. Шуя.

Городъ Архангельскъ высится на крутомъ правомъ берегу рѣки Двины (у начала ея рукавовъ), верстахъ въ 35-ти отъ моря. Лучшія зданія расположены главнымъ образомъ по берегу, а внизу разбросаны рынки и различныя пристани. Городъ тянется на нѣсколько верстъ и соединяется съ предмѣстьемъ «Соломбалы», въ которомъ живутъ преимущественно иностранцы. Древнія каменныя церкви въ городѣ почти всѣ передѣланы (одна изъ нихъ крайне интересна по изразцамъ, но, къ сожалѣнію, они въ настоящее время закрашены).

Изъ достопримѣчательностей Петровской эпохи заслуживаетъ вниманія каменная крѣпость близъ Архангельска, деревянный домикъ въ самомъ городѣ и большой деревянный крестъ въ Архангельскомъ соборѣ. Домикъ былъ выстроенъ для царя Петра; въ немъ онъ жилъ во время пребыванія въ г. Архангельскѣ *). Этотъ одноэтажный пятикомнатный дворецъ нынѣ, для предохраненія отъ разрушенія, накрытъ сараемъ.

Архангельскъ мнѣ пришлось посѣтить второй разъ, а потому, ограничившись нѣкоторыми бесѣдами о древностяхъ съ мѣстнымъ епископомъ, преосвященнымъ Нафанаиломъ, я отпра-

---

*) Планъ и описаніе его см. въ моей статьѣ, въ журналѣ «Зодчій» за 1883 годъ.

вился съ почтеннымъ архипастыремъ въ Корельскій Никольскій монастырь. Путь лежалъ по безчисленнымъ рукавамъ Сѣв. Двины къ морю. Маленькій пароходикъ, предоставленный въ наше распоряженіе, не могъ пройти всего пути, такъ какъ рукава оказались довольно мелки и притомъ насъ засталъ отливъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства, мы должны были пересѣсть въ лодки и въ нихъ добрались до монастыря. Отливы и приливы побережныхъ водъ моря совершаются два раза въ сутки и имѣютъ особыя названія: маниха (малый отливъ и приливъ), когда вода прибываетъ 3 часа, затѣмъ стоитъ какъ бы неподвижно шесть часовъ и потомъ снова убываетъ въ продолженіе трехъ часовъ; при этомъ отливъ съ каждымъ днемъ запаздываетъ на $^{3}/_{4}$ часа; большиха, когда приливъ и отливъ совершаются ровно по 6-ти часовъ. Эти приливы и отливы, въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи по Поморью, не мало мѣшали дѣлу, такъ какъ берега и рѣчки настолько мелѣютъ, что выѣхать и подъѣхать къ селенію возможно только два раза въ сутки.

Добравшись до монастыря, я занялся его осмотромъ и краткими замѣтками сохранившихся въ немъ памятниковъ древняго русскаго искусства.

Монастырь отстоитъ отъ города Архангельска въ 34-хъ верстахъ и расположенъ на лѣвой сторонѣ Пудожемскаго устья рѣки Двины. Объ основаніи монастыря точныхъ указаній нѣтъ, но извѣстно, что еще Марѳа Борецкая (новгородская посадница), въ память утонувшихъ здѣсь ея дѣтей, Анатолія и Феликса, дѣлала въ этотъ монастырь большіе вклады. Въ настоящее время монастырь украшенъ церквами эпохи Алексѣя Михайловича и окруженъ весьма любопытною деревянною оградою, съ башнями шатроваго покрытія, построенною въ концѣ XVII столѣтія. Изъ лучшихъ зданій Никольскаго монастыря считается соборъ. Онъ поставленъ на высокихъ подвалахъ, часть которыхъ занималась тюрьмами для ссыльныхъ въ этотъ монастырь. Церковь окружаетъ двухъ-этажная закрытая галлерея, въ которую ведутъ двѣ полузакрытыя лѣстницы съ западной и сѣверной сторонъ. Храмъ раздѣляется съ каждаго фасада пилястрами и арочками на три части. Надъ четырехъ-скатною крышею его возвышаются пять полыхъ барабановъ съ шаровидно-заостренными главами. Пропорціи и украшенія собора, а также и колокольни, довольно стройныя и не лишены изящества.

Рисунокъ III-й.

Церковь Св. Троицы, постр. въ 1727 г.

въ Ненокотскомъ посадѣ, Архангельской губ. и уѣзда.

Ограничившись краткимъ осмотромъ Никольскаго монастыря, я снялъ нѣсколько фотографій съ него и отправился осмотрѣть древнюю церковь въ селѣ Заостровьѣ, близъ Архангельска. Церковь эта состоитъ изъ главнаго высокаго сруба и двухъ прирубовъ, одного пятистѣннаго, для алтаря, а другаго прямоугольнаго — для трапезной. Въ рединѣ главнаго сруба возвышается шатеръ съ главкою, а въ углахъ и надъ срединою стѣнъ поставлено восемь главокъ. Шейки, шатеръ и главки обиты гонтомъ въ чешую. Церковь эта, кромѣ верхней части, передѣлана и обшита тесомъ.

Возвратившись въ Архангельскъ, я отправился на лошадяхъ въ села, лежащія по берегамъ Бѣлаго моря, по направленію къ г. Онегѣ. Здѣсь собственно и начались мои изслѣдованія древней деревянной архитектуры, которая представляла главную цѣль моего путешествія по сѣвернымъ окраинамъ Россіи.

Первый интересъ для меня имѣли церкви въ посадѣ Нѐнокса (въ 75 верстахъ отъ Архангельска), построенныя въ XVII столѣтіи. Одна изъ болѣе интересныхъ церквей этого посада (рис. III) состоитъ изъ главнаго восьмиугольнаго сруба, на которомъ поставленъ другой, меньшаго размѣра. На уступѣ перваго сруба устроены теремки, называемые мѣстными жителями «херувимчиками». Второй срубъ оканчивается закругленнымъ откосомъ, въ видѣ карниза. Поверхъ сруба возвышается шатеръ съ шейкою и главкою. Шатеръ здѣсь, противъ обыкновенія, не представляетъ собою сплошной срубъ, а устроенъ при помощи стропильной системы. Къ четыремъ сторонамъ главнаго восьмиугольника церкви примыкаютъ четырехъугольные срубы, изъ которыхъ восточный занятъ алтаремъ, западный имѣетъ значеніе притвора, а два боковыхъ выражаютъ собою особые придѣлы. Эти четырехъугольные срубы вверху переходятъ въ восьмиугольные и увѣнчиваются также пирамидальными покрытіями съ главками *). Къ сѣверному и южному придѣламъ церкви, съ восточной стороны, пристроены еще четырехъугольные прирубы съ бочкообразными покрытіями для алтарей. Въ данное время церковь обшита тесомъ, вслѣдствіе чего были утрачены ея детали. Къ тремъ сторонамъ этой церкви, въ старину, примыкала галлерея съ особыми крыльцами для самой церкви и ея при-

*) На всѣхъ углахъ прямоугольныхъ срубовъ находились теремки, но при обшивкѣ церкви тесомъ они были уничтожены и только оставлены на алтарномъ срубѣ.

дѣловъ. Теперь галлерейка не существуетъ, но сохранились довольно ясные слѣды ея соединенія со стѣнами церкви. По собраннымъ свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей и по тщательному изслѣдованію церкви, я сдѣлалъ проектъ реставраціи ея, представляющій одинъ изъ болѣе сложныхъ типовъ древней народной архитектуры. Двѣ другія церкви въ посадѣ Ненокса одношатровыя; онѣ хотя также поправлены, но не лишены интереса.

Изъ другихъ древнихъ построекъ посада обращаютъ на себя вниманіе солеварницы. Каждая изъ нихъ представляетъ высокій квадратный срубъ (около 5-ти саж. въ длину и ширину), покрытый двухскатною крышею, въ конькѣ которой оставлено продолговатое отверстіе. Для прочности зданія углы сруба около крыши связаны бревнами параллельно діагоналямъ квадрата. Кромѣ того, трехъугольные надрубы подъ фронтонами крыши связаны двумя бревнами. Въ одномъ изъ внутреннихъ угловъ помѣщенія находится шалашъ для рабочихъ, а въ срединѣ помѣщается печь и резервуаръ для соленой воды. Печь имѣетъ видъ просто корытчатообразной ямы, обложенной камнями. Въ нее проходитъ снаружи поддувало. Печь эта имѣетъ въ длину 7½ арш., въ ширину 6 арш., а въ глубину около 3-хъ арш. Поверхъ земли съ двухъ сторонъ печи поставлены три стойки — «быки» (арш. 1½ высотою) и на нихъ положены прогоны. На прогонахъ лежатъ въ длину печи четыре бревна, къ которымъ на цѣпяхъ подвѣшенъ желѣзный резервуаръ «черенъ». Послѣдній имѣетъ такую же длину и ширину, какъ и печь, но высотою только 8 вершк. Онъ виситъ надъ всѣмъ отверстіемъ печи заподлицо съ поломъ. Земля около топки печи нѣсколько понижена противъ уровня остальнаго помѣщенія. Соленая вода накачивается изъ колодцевъ въ желоба, откуда идетъ прямо въ «черенъ». Вода варится цѣлыя сутки и около полусутокъ отстаивается. Соли вываривается за разъ до

Крыльцо въ селѣ Колодозеро, Олонецк. губ.

100 п.; это называется «варь». Соль ссыпается въ амбары или кладовыя при солеварницѣ на 7 сутокъ для просушки и затѣмъ идетъ въ продажу. Подъ этими кладовыми находятся ямы «подпотоки», куда стекаетъ вода съ соли. Эта вода кристаллизуется въ пласты, которые потомъ рубятъ и продаютъ для корма лошадей. Въ одномъ изъ Ненокотскихъ источниковъ находится 9%, а въ другомъ $10^1/_4$% соли. Каждая варница производитъ въ годъ до 90 «варей». Въ этихъ промыслахъ участвуютъ на наслѣдственныхъ правахъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые дѣлятъ всѣ доходы по извѣстнымъ паямъ.

Благодаря тому, что мы пріѣхали сюда въ день праздника Св. Петра и Павла, высокочтимаго мѣстными жителями, мнѣ довелось познакомиться здѣсь не только съ устройствомъ церквей, но и съ особымъ характеромъ праздниковъ, въ которые болѣе зажиточныя посадскія дѣвушки наряжаются въ старинные богатые костюмы, имѣющіе по своему покрою прямое сходство съ новгородскими одеждами XVI—XVII ст.

День былъ теплый и ясный; я помню какъ чинно выступали изъ церкви одна за другою нарядныя дѣвушки и парами медленно приближались на нашу сторону. Какъ-то сразу невольно я перенесся мысленно въ старое доброе время. Передо мною развернулась цѣлая картина самостоятельной народной жизни; родными казались мнѣ эти кроткіе, добродушные люди, молча подходившіе къ толпѣ съ медленными и низкими поклонами. Но вотъ затянули пѣсни, составились хороводы и пестрая толпа засверкала своими богатыми парчевыми нарядами, причемъ жемчугъ плавно переливался то на одномъ, то на другомъ кокошникѣ. Все оживилось, заблестѣло и какъ-то свободно полились звонкія неумолкаемыя пѣсни хороводовъ; но сквозь эту широкую картину слышались порою заунывныя... тяжелыя ноты. Праздникъ былъ полонъ народу, красиво раскинутаго отдѣльными группами; тутъ съ какою-то нѣгою, медленно велся хороводъ дѣвушекъ въ жемчужныхъ головныхъ уборахъ, въ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ; тамъ виднѣлись толпы парней съ дѣвушками въ болѣе простыхъ нарядахъ и медленно прохаживались, взявшись за руки, впередъ и назадъ, разливаясь въ своихъ громкихъ пѣсняхъ. За ними разсыпались массы стараго и малаго люда, а вдали чернѣлись избы и въ стройныхъ силуэтахъ поднимались верхушки старинныхъ деревянныхъ церквей. Казалось, что вся картина жила

однимъ временемъ и стройный видъ ея перебивался только толпами веселыхъ дѣтей, сновавшихъ то въ ту, то въ другую сторону.

Къ четыремъ часамъ народъ сталъ расходиться, и такъ какъ посадъ раздѣляется на два конца и справляется въ году два праздника, то, по принятому обычаю, селяне того конца, гдѣ происходилъ праздникъ, пошли въ гости къ селянамъ другаго конца. Этотъ обычай переугащиванія ведется здѣсь изстари. Скромность поморовъ, ихъ красивыя лица, полныя жизни, и молчаливые низкіе поклоны придавали празднику какую-то важность, во всемъ чувствовалась сердечность, сдержанный привѣтъ и полное уваженіе другъ къ другу.

Въ этомъ же посадѣ мнѣ удалось пріобрѣсти чрезвычайно любопытныя старинныя прялки, вальки и другія подобныя вещи, украшенныя весьма богатою рѣзьбою, совершенно схожею съ норвежскою, о которой я уже упоминалъ при описаніи Стокгольма. Во всѣхъ встрѣченныхъ мною здѣсь домашнихъ предметахъ проглядываетъ необыкновенная любовь къ украшеніямъ и полная изящность ихъ. Къ сожалѣнію, эти вещи въ настоящее время заброшены по чердакамъ и вмѣсто ихъ фигурируетъ въ крестьянскомъ быту рыночное производство. Благодаря находившемуся при мнѣ фотографическому аппарату, я сдѣлалъ кромѣ альбомныхъ замѣтокъ, много фотографій съ древнихъ церквей, съ различныхъ старинныхъ художественныхъ вещей и съ мѣстныхъ дѣвушекъ, въ ихъ богатыхъ нарядахъ *).

Оставляя посадъ Ненокса, я направился по почтовому тракту въ слѣдующій посадъ Уна. Здѣсь я встрѣтилъ любопытную деревянную церковь XVII столѣтія. Она хотя и сильно передѣлана, но, при тщательномъ изслѣдованіи ея чердачныхъ помѣщеній, мнѣ удалось найти всѣ данныя, по которымъ можно было совершенно ясно представить ея первоначальный видъ. Церковь въ планѣ имѣетъ видъ креста, надъ срединой котораго возвышается восьмигранный срубъ съ шатровымъ покрытіемъ. Боковыя части крестоваго сруба, съ фасада, идутъ двумя уступами, перекрытыми бочечными скатами. Съ восточной стороны церкви пристроены діаконникъ, помѣщеніе для жертвенника и кладовыя, а съ западной идетъ съ трехъ сторонъ галлерея.

Подъ церковью мнѣ посчастливилось разыскать: 1) деревян-

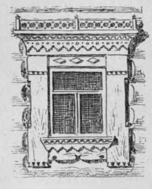
*) Перечень рисунковъ и фотографій, относящихся къ описываемому путешествію, изложенъ въ концѣ статьи.

Рисунокъ IV-й.

Дѣвушки изъ посада Ненокса.

Архангельской губерніи

ныя рѣзныя царскія двери, съ поставами, коруной и колонками прекрасной работы XVII ст.; 2) слюдяной восьмиугольный выносной фонарь, въ видѣ церкви, съ девятью шатриками, украшенный оловянными золочеными орнаментами, и 3) деревянный пустой цилиндръ, расписанный снаружи красивыми цвѣтными орнаментами. На этотъ цилиндръ обыкновенно надѣвалась желѣзная или мѣдная лампада, а книзу придѣлывался деревянный или каменный постаментъ. Такой подсвѣчникъ ставился передъ «мѣстными» иконами и назывался «тощею свѣщею». Всѣ эти вещи и другія, найденныя мною въ подцерковьяхъ, на чердакахъ и въ кладовыхъ, среди разнаго хлама, вѣроятно скоро будутъ доставлены въ христіанскій музей Имп. Академіи Художествъ.



Продолжая поѣздку по поморью, я направился почтовымъ трактомъ чрезъ села: Нижмозеро, Кянду, Таминское и Покровское въ гор. Онегу.

Въ Нижмозерѣ сохранилась древняя деревянная церковь и колокольня. Зданія эти въ основаніи имѣютъ квадратные срубы, выше которыхъ идутъ восьмиугольные. Церковь весьма большихъ и пропорціональныхъ размѣровъ, причемъ шатеръ ея величественно поднимается среди всѣхъ окружающихъ построекъ. Колокольня выше восьмиугольнаго сруба. Отдѣлана въ видѣ арочекъ, поверхъ которыхъ идетъ карнизъ и шатровая крыша съ главкою.

Дорога все время шла болотистыми мѣстами и представляла собою тысячи всевозможныхъ бугровъ и рытвинъ; тамъ же, гдѣ были положены фашины, она дѣлалась еще ужаснѣе, такъ какъ, пробираясь по голымъ круглякамъ, иногда разшатаннымъ и переломленнымъ, приходилось получать безпрерывные и мучительные толчки. Дорога эта или скорѣе пытка до того изнурила меня, что первый большой отдыхъ въ г. Онегѣ показался мнѣ блаженствомъ.

Въ Онегѣ между прочимъ я осмотрѣлъ лѣсопильный заводъ англійской компаніи. Онъ поставленъ довольно широко и ведетъ огромную торговлю съ Англіей. Подобныхъ заводовъ на поморьѣ до десяти; всѣ они, получая сплавляемый лѣсъ изъ сѣверныхъ губер-

ній Россіи, обрабатываютъ его въ доски, брусья и т. п. и цѣлыми пароходами вывозятъ за границу. Изъ Онеги я отправился въ лодкѣ на островъ Кіо (въ шести верстахъ отъ города), въ монастырь Св. Креста *). Изъ построекъ этого монастыря заслуживаетъ большаго вниманія каменный соборъ, построенный въ XVI ст. Остальныя зданія уже передѣланы и для русскаго искусства мало представляютъ интереса. Въ этомъ монастырѣ нѣкогда жилъ Никонъ и въ ризницѣ до сихъ поръ хранятся его церковныя вещи. Изъ другихъ предметовъ старины заслуживаетъ особаго вниманія псалтырь XV вѣка, писанная на пергаментѣ и украшенная замѣчательными миніатюрами, заставками и заглавными буквами (стр. 34-я). При осмотрѣ монастырской кладовой оказались совершенно заброшенными богатыя рѣзныя деревянныя царскія двери XVII ст. и небольшая старинная кіота.

Возвращаясь въ г. Онегу, я переночевалъ въ довольно чистенькомъ помѣщеніи «заѣзжаго дома», запасся провизіею и направился на дальнѣйшіе берега поморья. Съ Онеги уже принято ѣздить лѣтомъ въ лодкахъ (карбасахъ), но имѣя въ виду посѣтить и тѣ мѣста, куда не заходятъ карбасы, я рѣшился, насколько было возможно, ѣхать на лошадяхъ. До села Варзогоръ шла самая ужасная дорога и только во время отливовъ моря по отмелямъ, представляющимъ собою твердый слой песку, можно было ѣхать довольно спокойно.

Въ селѣ Варзогорѣ находятся двѣ старинныя деревянныя церкви и колокольня. На главныхъ квадратныхъ церковныхъ срубахъ возвышается по пяти главъ. Пятиугольные срубы алтарей завершаются крышами бочечной формы. Съ западной стороны къ церквамъ прилегаютъ паперти и къ нимъ открытыя лѣсенки: тѣ и другія перекрыты двухъ-скатными крышами. Шатровый верхъ колокольни нынѣ замѣненъ плоскимъ куполомъ, увѣнчаннымъ высокимъ шпилемъ. Всѣ зданія нынѣ обшиты тесомъ.

Далѣе насъ отказывались везти на лошадяхъ, такъ какъ дорога была не только крайне плохая, но и необыкновенно узкая.

---

*) Во время посѣщенія острова Кіо, мнѣ пришлось испытать страшную муку отъ непроглядныхъ массъ комаровъ и мошекъ. Они положительно не давали заниматься и при дальнѣйшемъ путешествіи никакія сѣтки отъ нихъ не защищали.

Рисунокъ V-й.

Церковь Св. Николая Чудотворца, постр. въ 1700 г.

въ селѣ Малошуйскомъ, Арханг. губ., Онежскаго уѣзда.

Желая по возможности отдалить предстоящее довольно опасное путешествіе Бѣлымъ моремъ въ лодкахъ, мы рѣшились, какъ-бы то ни было, проѣхать ближайшія станціи сухопутной дорогой. На этотъ разъ, была впряжена небольшая телѣга и одноколка для багажа. Страшныя безпокойства, которыя мнѣ пришлось испытать въ этой дорогѣ, еще усложнялись разными переправами чрезъ рѣки. Тутъ и помину нѣтъ о мостахъ, а разсчитываютъ переѣздъ ко времени полнаго отлива воды, чрезъ отмели *), а если этого нельзя сдѣлать, то пассажиры, багажъ, лошади и телѣга поочередно перевозятся на лодкахъ, черезъ большія же рѣки на паромахъ, или на особыхъ карбасахъ съ помостомъ; при такихъ путяхъ сообщенія мы дѣлали, напримѣръ, станцію въ 22 версты болѣе 10 часовъ.

Достигнувъ такимъ образомъ села Малошуйскаго, я обслѣдовалъ здѣсь деревянную церковь Свят. Николая Чудотворца (рисун. V-й). Постройка этой церкви, за исключеніемъ нижней части главнаго сруба, которая была въ древности часовней, относится къ 1700 году. Алтарь при церкви прямоугольный и покрытъ, вмѣсто обычной бочечной формы, двухъ-скатною крышею съ отливами. Помѣщеніе, прилегающее къ главному квадратному срубу, «трапезная» **) обходитъ церковь съ западной и сѣверной сторонъ. Выдающееся украшеніе этой церкви — двухъ-стороннее крыльцо, отдѣланное колонками и балясникомъ. Средина его покрыта весьма типичною и изящною крышею «бочечкой». Окна церкви нынѣ расширены, а стѣны обшиты тесомъ.

Продолжая дальнѣйшее путешествіе, мы, то поднимаясь на вершины песчаныхъ наносовъ, то спускаясь въ тундры и переправляясь черезъ рѣки, достигли станціи Кушерецкой. При приближеніи къ этому пункту, довольно страннымъ явленіемъ кажутся громадныя и совершенно ровныя наносныя горы, имѣющія въ поперечномъ сѣченіи видъ трапеціи. Судя по разстояніямъ между этими насыпями, идущими одна за другою параллельно береговому очертанію, а также по высотѣ ихъ можно полагать, что здѣсь

*) Такіе переѣзды, конечно, не безопасны. Такъ напр., при одной изъ подобныхъ переправъ, нашъ экипажъ завязъ въ грязи и новый приливъ воды уже сталъ покрывать насъ; опасность, разумѣется, вызвала энергическія мѣры и мы все-таки скоро выбрались на берегъ.

**) Указаніе о значеніи трапезныхъ—въ моемъ сочиненіи «Очерки по исторіи памятниковъ древне-русскаго зодчества», изданіе Имп. Акад. Худож. за 1889-й годъ.

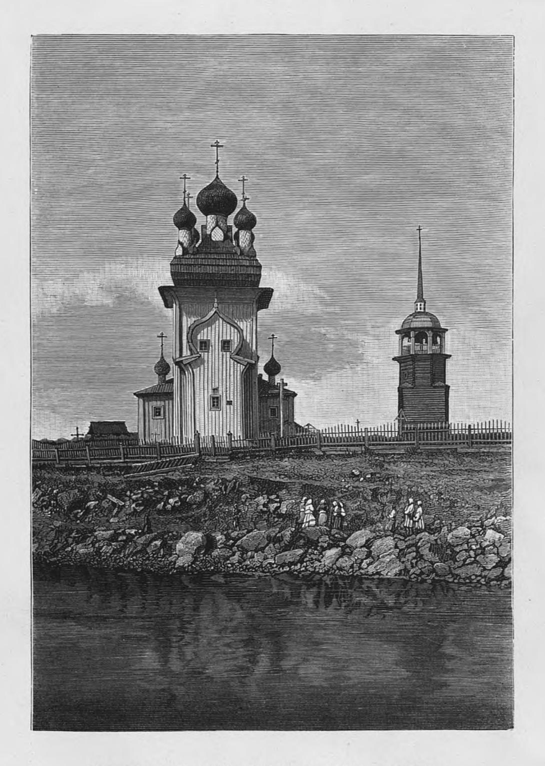
происходили какіе-то продолжительные и опредѣленные періоды наносовъ. Кромѣ этого случалось замѣчать въ каменистыхъ горахъ слѣды ледниковаго періода и высохшихъ озеръ.

Не менѣе оригинальной представляется и самая растительность: я уже упоминалъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она почти совершенно отсутствуетъ, съ Мурманскаго же берега появляются береза, лиственница и другія деревья, но только въ видѣ весьма мелкаго кустарника, разстилающагося по каменистой почвѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Терскому берегу, растительность постепенно поднимается и въ южныхъ частяхъ поморья какъ бы входитъ уже въ свои права. При этомъ побережныя деревья все-таки остаются какими-то уродами; они растутъ только съ одной южной стороны, а съ другой, подверженной сѣвернымъ вѣтрамъ, остаются совершенно голыми, и мало того — многія изъ нихъ, въ томъ числѣ не только береза, извѣстная у насъ подъ именемъ корельской, но даже и ели перегнуты и перепутаны въ различные фантастическіе узлы.

Отмели, появляющіяся два раза въ сутки, доходятъ въ глубь моря до двухъ и болѣе верстъ, причемъ на поверхности ихъ остаются массы губокъ, всевозможныхъ раковинъ, медузъ и т. п. Слой же песка по отмели является настолько твердымъ, что колеса экипажа во время проѣзда оставляютъ едва замѣтную колею.

Въ селѣ Кушерецкомъ находится весьма интересная церковь Вознесенія Христова, построенная въ 1668 году. (Рисун. VI-й,— фасадъ съ восточной стороны). Церковь эта двухъ-этажная, причемъ вверху находится холодный придѣлъ, а внизу теплый. Главный, квадратный въ основаніи, срубъ церкви имѣетъ стройную пропорцію и вверху расширяется закругленнымъ относомъ, имѣющимъ значеніе карниза; выше поднимается срубъ «бочечной» формы, а въ срединѣ его (на чердакѣ) идетъ крестообразный срубъ, который одновременно скрѣпляетъ бревна бочечной крыши и служитъ основаніемъ средней главы. Боковыя главы утверждены прямо на бочечномъ срубѣ. Въ верхнемъ этажѣ находится главный придѣлъ, а въ нижнемъ три придѣла: одинъ подъ главнымъ, а два по бокамъ церкви, въ видѣ особыхъ при-

Рисунокъ VI-й.



Церковь Вознесенія Христова, постр. въ 1668 г.

въ селѣ Кушерецкомъ, Арханг. губ., Онежскаго уѣзда.

строекъ, увѣнчанныхъ маленькими главками. Съ западной стороны церкви примыкаетъ большое помѣщеніе — трапезная, въ которую съ сѣверной стороны ведетъ закрытая лѣстница. Восточный алтарный срубъ покрытъ бочечною крышею, причемъ окна верхняго придѣла приходятся въ самой бочкѣ. Боковые придѣлы, трапезная и лѣстница, по мѣстнымъ указаніямъ, сдѣланы позднѣе самой церкви; на ихъ мѣстѣ была вначалѣ неширокая галлерея. Верхнія главы у основанія украшены кокошниками, какъ это мы встрѣчаемъ и въ каменной архитектурѣ XVII ст.

Шейки, главки и кокошники обиты гонтомъ въ «чешую», приэтомъ каждая дощечка съ фасада имѣетъ видъ креста. Бочечная крыша состоитъ изъ цѣлаго ряда мелкихъ скатовъ, покрытыхъ дощечками, концы которыхъ обдѣланы въ видѣ городковъ. Наружныя стѣны церкви обшиты тесомъ въ вертикальномъ направленіи. Такой характеръ обшивки является въ этихъ краяхъ исключительнымъ. Въ древности сѣверныя деревянныя церкви обыкновенно не обшивались тесомъ, а съ XVIII ст. дѣлали обшивку въ горизонтальномъ направленіи. Въ главномъ придѣлѣ описываемой церкви существуетъ крайне любопытный древній рѣзной иконостасъ съ богато обдѣланными царскими дверями. Колокольня при церкви, за исключеніемъ крыши и шпиля, сохранилась въ древнемъ видѣ. Первоначальное покрытіе ея, по мѣстнымъ разсказамъ, было шатровое.

Изъ села Кушерецкаго до станціи Унежмы пришлось въ послѣдній разъ добираться на телѣгахъ по отмелямъ моря; дорога шла довольно сносная.

Въ Унежмѣ оказалась вполнѣ сохранившеюся небольшая древняя деревянная церковь и очень хорошенькая колоколенка. Оба памятника принадлежатъ къ XVII ст.

Церковь состоитъ изъ главнаго невысокаго сруба, покрытаго крышей, подобной той, какую мы видѣли въ Кушерецкой церкви, но только съ одной средней главкой. Съ западной стороны находится трапезная, къ которой примыкаетъ маленькое крылечко. Алтарь представляетъ собою особый срубъ.

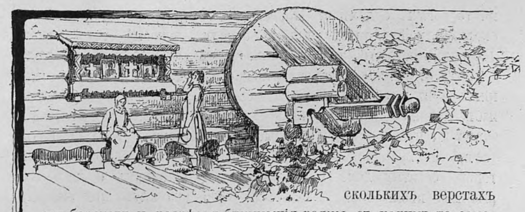
Колоколенка имѣетъ въ основаніи квадратный срубъ; на высотѣ 18-ти бревенъ этотъ срубъ переходитъ въ восьмиугольный. При переходѣ на углахъ поставлены „кокошнички". Верхніе вѣнцы

сруба расширяются и образують съ фасада большую выкружку, въ видѣ карниза. Къ внутреннимъ угламъ восьмиугольнаго сруба прикрѣплены круглыя бревенчатыя стойки. Онѣ поднимаются выше сруба и наверху скрѣплены бревенчатою обвязкою, также въ видѣ выкружки, на которой покоится шатровая крыша съ главкою. На высотѣ перваго карниза устроенъ полъ, а на высотѣ втораго—повѣшены колокола. Между столбиками, выходящими изъ-за сруба, сдѣланы перильцы и арочки. Отливы карнизовъ покрыты тесомъ, концы котораго обдѣланы въ видѣ городковъ; главка и шейка обиты гонтомъ въ „чешую". Съ южной стороны къ колокольнѣ примыкаетъ маленькое крылечко, ведущее на внутреннюю лѣстницу „колокольницы".

Исполнивъ обмѣры и фотографіи съ этихъ любопытныхъ памятниковъ древне-русскаго зодчества, мы наконецъ были обречены продолжать дальнѣйшее путешествіе моремъ на карбасахъ, такъ какъ сухопутная дорога со станціи Унежмы въ лѣтнее время совершенно прекращается.

Карбасы представляютъ собою простую лодку, длиною около 9 арш. Къ носовой части ея прикрѣпляется якорь на желѣзной цѣпи и затѣмъ идутъ двѣ или три поперечныя скамейки для гребцовъ. Далѣе отведено мѣсто для пассажировъ, длиною до 3-хъ арш., перекрытое на высотѣ $1^1/_2$ арш. парусиной, въ видѣ свода, и, наконецъ, въ кормовой части лодки находится мѣсто для рулеваго. Когда карбасъ отправляется въ путь, гребцы берутъ съ собой паруса, запасныя весла, компасъ, боченокъ прѣсной воды, самоваръ и съѣстные припасы. Экипажъ состоитъ изъ 4-хъ или 6-ти гребцовъ, исключительно женщинъ, и рулеваго, всегда мужчины. Карбасы и служащій на нихъ народъ такъ же, какъ на сухопутныхъ трактахъ, раздѣляются на почтовые и земскіе, причемъ трудъ каждой пары женщинъ оплачивается, какъ за одну лошадь.

Такимъ образомъ, на пристани села Унежмы, расположившись съ моимъ попутчикомъ въ новомъ, хотя и болѣе спокойномъ, но опасномъ экипажѣ, мы пустились въ море уже при закатѣ солнца. Сильный попутный вѣтеръ крѣпко схватилъ паруса карбаса и невольный страхъ овладѣлъ мною. Мы неслись въ нѣ-



сколькихъ верстахъ отъ береговъ и, разрѣзая бушующія волны, съ какимъ-то самоотверженіемъ шли впередъ. Дружное пѣніе гребцовъ, ихъ полное спокойствіе къ окружающимъ волнамъ моря постепенно ободряли меня, и я скоро самъ забылъ о всѣхъ опасностяхъ. Сквозь небольшой дождь и туманъ мы быстро прошли болѣе 30-ти верстъ и, приближаясь къ станціи, готовы были вступить въ устье рѣки Нюхчи, но начавшійся отливъ и опасные пороги этой рѣки заставили насъ идти въ деревню пѣшкомъ болѣе 5-ти верстъ.

Цѣлою процессіею мы съ багажемъ пробирались узкою тропою, лежащею въ тундрахъ, и въ продолженіе только нѣсколькихъ часовъ, изнемогая отъ усталости, едва достигли селенія. Не найдя, однако, здѣсь ничего интереснаго для своихъ цѣлей, мы выждали новаго прилива—«полной воды»; быстро затѣмъ пронеслись въ карбасѣ порогами рѣки и снова вступили въ море. Тихая, ясная погода, несмолкаемыя пѣсни гребцовъ-«женокъ», отдыхъ на попутныхъ островахъ, все дышало для меня новизною и производило небывалое впечатлѣніе.

Осмотрѣвши на слѣдующей станціи мало сохранившіяся церкви въ селѣ Колежемскомъ, я направился въ посадъ Сумы. По зимнему пути здѣсь считается 25 верстъ, между тѣмъ какъ моремъ, огибая берега, пришлось сдѣлать до 50 верстъ. Въ подобныхъ переѣздахъ невольно поражаетъ неутомимый трудъ гребцовъ, которые зачастую проходятъ 25—30 верстъ безъ парусовъ и безъ всякаго отдыха.

Проѣзжая такимъ образомъ одну деревню за другою, между прочимъ, нельзя было не замѣтить въ нихъ нѣкоторую безжизненность и почти полное отсутствіе мужчинъ. Это объясняется тѣмъ, что послѣдніе, еще съ ранней весны, расходятся одни на промыслы по далекимъ окраинамъ Мурмана, а другіе уходятъ

на торговыхъ судахъ въ Норвегію. «Женки» же, иногда на нѣсколько дней отправляются въ страду (покосы), такъ что въ деревняхъ остаются только женки-гребцы, старый и малый людъ.

Въ отношеніи построекъ можно сказать, что во всѣхъ селеніяхъ и въ особенности посадахъ поморья, среди небогатыхъ избъ, гдѣ находится не только жилье, но и все хозяйство, часто замѣчаются большіе деревянные двухъ-этажные дома, обшитые тесомъ и украшенные филенчатыми наличниками. Эти сравнительно богатые дома принадлежатъ судовщикамъ и хозяевамъ рыбныхъ промысловъ, о которыхъ было упомянуто при описаніи Норвегіи и Мурманскаго берега.

Достигнувъ посада Сумы, я обратилъ здѣсь особое вниманіе на остатки древняго, деревяннаго острога, когда-то подвѣдомственнаго Соловецкому монастырю. Одна изъ башенъ острога, нынѣ представляющая собою колокольню, состоитъ изъ громаднаго восьмиугольнаго сруба, въ два яруса, увѣнчивающагося высокимъ шатровымъ покрытіемъ. Въ башнѣ сдѣланы широкія ворота и маленькая часовня (какъ это и бывало при старинныхъ острогахъ). Съ наружной стороны башни замѣтны слѣды прикасавшейся къ ней когда-то высокой стѣны въ два сруба, поверхъ которой видимо шла крытая галлерея къ другимъ башнямъ, нынѣ не сохранившимся (между прочимъ отъ одной изъ нихъ уцѣлѣло четырехугольное основаніе). Изъ двухъ церквей посада заслуживаетъ вниманія только маленькая каменная церковка, построенная въ 1693 г.; другая же, деревянная, хотя также древняя (1625 г.), но въ настоящее время по фасаду совершенно передѣлана.

Между частными постройками зажиточныхъ селянъ посада, довольно оригинально рисуются запасные магазины промышленниковъ. На подобныя зданія уже было указано при описаніи норвежскихъ городовъ, относительно же поморскихъ магазиновъ можно сказать, что они по сравненію нѣсколько меньше размѣромъ и не кажутся такими скучными, какъ въ Норвегіи.

Отливы и приливы, совершающіеся два раза въ сутки, «двѣ воды», начинали ужасно затруднять путешествіе, такъ какъ каждый переѣздъ отъ одной станціи до другой, назначаемый въ продолженіе «одной воды», часто, вслѣдствіе тумановъ и встрѣчныхъ вѣтровъ, затягивался до «другой воды». Въ виду сохраненія времени при такихъ поѣздкахъ, зачастую приходилось отправляться въ путь на ночь и спать въ самомъ карбасѣ.

Выждавъ въ посадѣ Сумы вечерняго прилива, «хорошей воды», я направился въ село Сороку. Старинная церковь въ этомъ селеніи недавно сгорѣла и только сохранилась деревянная колоколенка XVII ст. Характеръ ея постройки одинаковъ съ описанною выше колокольнею въ селѣ Унежмѣ.

Въ широкой Сороцкой бухтѣ находится лѣсопильный заводъ и множество иностранныхъ судовъ, переправляющихъ обрабатываемый здѣсь лѣсъ за границу, преимущественно въ Англію.

Мѣстные лавочники ведутъ торговлю съ пріѣзжимъ людомъ по особымъ картамъ, въ которыхъ всѣ товары поименованы на нѣсколькихъ языкахъ, и каждый иностранецъ, избравъ по этой картѣ нужный для себя предметъ, указываетъ хозяину на карту пальцемъ.

Изъ села Сороки путь лежалъ въ городъ Кемь, откуда на пароходѣ я разсчитывалъ переѣхать въ Соловецкій монастырь *). Пришлось ѣхать моремъ болѣе 80-ти верстъ. Мы вышли съ шестью гребцами-женками и рулевымъ, на этотъ разъ бойкой корелкой. Звонкія, несмолкаемыя пѣсни снова полились по суровымъ волнамъ Бѣлаго моря, залитаго погасающими лучами заходящаго солнца. Время клонилось къ ночи. Море стало покрываться испареніями, сквозь которыя медленно надвигались широкія тучи. Въ полночь насъ покрылъ страшный туманъ и мы бросили якорь. Затѣмъ, пройдя немного, причалили къ маленькому острову, развели костеръ, поставили самоваръ и среди мховъ, покрывающихъ голыя скалы, расположились въ общей группѣ закусывать и согрѣваться чаемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ, когда туманъ немного разсѣялся, мы снова двинулись въ путь. Скалы или «луды», какъ говорятъ поморы, громадными черными пятнами выступали среди необозримой дали моря и много надо было опыта и снаровки, чтобы не разбиться о подводные камни. Тутъ каждую минуту грозила опасность и, за неимѣніемъ въ карбасѣ какихъ-либо спасительныхъ снарядовъ, всякія надежды на спасеніе должны были считаться лишними. Но вотъ съ разсвѣтомъ другаго дня насъ окружили, какъ призраки, тысячи черныхъ камней (луды), а вдали угрюмо возвышались двѣ гро-

*) По Бѣлому морю ходятъ черезъ двѣ недѣли два парохода. Они дѣлаютъ рейсы между г. Архангельскомъ, Соловецкимъ островомъ, г. Кемью и г. Онегою; въ другія селенія и посады не заходятъ. По Мурманскому берегу отъ г. Архангельска до г. Вардо русскій пароходъ ходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ и останавливается только въ нѣкоторыхъ становищахъ.

мадныя черныя скалы «Желѣзныя ворота». Жутко какъ-то сдѣлалось мнѣ, но смѣлый кормщикъ, отдавая приказанія гребцамъ, быстро началъ огибать камни, и скоро мы очутились въ какомъ-то мрачномъ провалѣ голыхъ скалъ. Робко пройдя эти ворота, мы, по компасу, взяли нѣсколько другое направленіе, и вскорѣ показался Кемскій заливъ, а за нимъ величественно поднимался древній деревянный Кемскій соборъ.

Пѣсни гребцовъ широко неслись къ берегамъ залива и какъ бы возвѣщали городу о новыхъ «пріѣзжихъ людяхъ». Красиво раскинутыя массы строеній, казалось, раздѣляли городъ на старый и новый. Справа виднѣлись пестрые двухъэтажные дома, церковь и строющійся каменный соборъ, а впереди, при устьѣ двухъ рѣкъ, чернѣлись невысокія, болѣе древнія постройки.

На самомъ мысѣ поднималась уже покосившаяся громадная деревянная башня стариннаго острога. Быстрое теченіе двухъ рѣкъ, омывающихъ это мѣсто, давно разрушило старинное Кемское укрѣпленіе и теперь только широкая восьмиугольная башня, очутившаяся на островкѣ, доживаетъ свои послѣдніе годы. Сзади этого пошатнувшагося безмолвнаго свидѣтеля минувшихъ оборонъ, на склонѣ горы виднѣлось старинное, нынѣ заколоченное, зданіе бывшаго подворья Соловецкаго монастыря. За нимъ по горѣ разстилались группы старенькихъ домовъ, а между ними какъ-то особенно величаво рисовались въ воздухѣ высокія, почернѣвшія отъ времени шатровыя крыши собора.

Кемскій деревянный соборъ (рисун. VII-й) построенъ въ 1714 г. изъ «рудоваго» лѣса *) и имѣетъ слѣдующее расположеніе: съ западной стороны устроено открытое крыльцо, на которое ведутъ небольшія лѣсенки съ трехъ сторонъ. Съ крыльца входятъ въ продолговатую паперть «забранную въ столбы», при которой находится маленькій срубикъ, предназначенный для кладовой. Изъ паперти проходятъ въ большое помѣщеніе, называемое трапезною. Далѣе расположено продолговатое отдѣленіе для молящихся; оно идетъ въ ширину придѣловъ, которые съ сѣверной и южной сторонъ поднимаются въ видѣ особыхъ башенъ съ шатро-

*) Рудовымъ лѣсомъ называется такое дерево, гдѣ «пинда» (наружный, непрочный слой) очень тонкая, а сердцевина очень толстая. Такой лѣсъ растетъ въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, около ельника. На пригоркахъ же или въ рыхлой почвѣ растетъ лѣсъ съ толстымъ слоемъ пинды и потому не такъ проченъ. Этотъ лѣсъ называется «Малекъ» или «Маленикъ», отъ слова — малый.

Рисунокъ VII-й.

Успенскій соборъ въ г. Кеми, Архангельской губ.

выми покрытіями. Наконецъ къ востоку между придѣлами возвышается главный прямоугольный срубъ церкви, переходящій вверху въ восьмигранную форму и увѣнчивающійся высокимъ шатромъ. Съ восточной стороны придѣловъ и главной церкви пристроены особые пятистѣнные срубы для алтарей. Покрытіе ихъ сдѣлано въ видѣ бочечной формы съ заостреніями. Наибольшая ширина собора около 40 арш., а длина и высота его простирается до 50 арш. Круглыя окна и обшивка стѣнъ сдѣланы въ настоящемъ столѣтіи. На углахъ прямоугольныхъ срубовъ, при переходѣ ихъ въ восьмиугольные, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, находились особые теремки, уничтоженные при обшивкѣ собора.

Въ кладовой Кемскаго собора были разысканы мною древнія мѣдныя лампады чеканной работы и др. вещи XVII-го ст.

Остовъ башни съ внѣшней стороны бывшаго древняго острога сдѣланъ изъ двойнаго сруба. Со втораго этажа ея шли переходы въ другія башни, теперь уже не существующія. Съ внутренней стороны укрѣпленія въ башнѣ сохранились широкія ворота, а въ наружныхъ стѣнахъ ея—различныя отверстія для пищалей, ружей и т. п. Наверху башни уцѣлѣли два горизонтальныя бревна, выходящія изъ-за сруба на пропускныхъ балкахъ. Это собственно родъ машикуль, съ которыхъ бросали камни и выливали кипятокъ на осаждающихъ. Кромѣ этихъ древнихъ памятниковъ мѣстнаго зодчества, привлекаютъ вниманіе старинная кладбищенская церковь и надмогильные раскольничьи памятники. Послѣдніе имѣютъ видъ красиво обработанныхъ столбиковъ, въ верхней части которыхъ, подъ большими выступами двухскатныхъ крышечекъ, находятся различныхъ формъ крестики или образочки. Столбики покрыты изящною

пестрою рѣзьбою и раскрашены различными тонами. Памятники эти дѣлаются въ Кеми исключительно однимъ мастеромъ, изъ раскольниковъ, чтимымъ между ними — Зосимою.

Въ ожиданіи парохода, идущаго на Соловецкій островъ, я съѣздилъ въ село Шую, находящееся также на берегу Бѣлаго моря. Здѣсь мнѣ пришлось встрѣтить въ высшей степени интересныя деревянныя церкви XVII ст., сохранившіяся въ ихъ первоначальномъ видѣ (рисун. VIII-й) *).

Первая изъ нихъ имѣетъ высокій крестообразный срубъ, надъ срединой котораго возвышается другой, восьмиугольный срубъ, увѣнчанный высокимъ шатровымъ покрытіемъ. Къ западной части церкви примыкаетъ паперть съ крылечкомъ, а восточная часть крестообразнаго сруба занята алтаремъ. Изъ паперти этого храма идетъ галлерейка въ другую церковь—св. Параскевы. Она состоитъ: 1) изъ главнаго прямоугольнаго сруба на подвалахъ (подклѣтяхъ), увѣнчаннаго четырехгранной крышей луковичной формы — «кубомъ», 2) изъ алтарнаго прируба, перекрытаго бочечною крышею, 3) изъ трапезной съ западной стороны церкви и 4) изъ галлерейки съ лѣстницею на два схода. Изъ этой галлерейки идетъ маленькій переходъ въ огромную восьмиугольную колокольню, покрытую пирамидальною деревянною крышею. Третья церковь такого же устройства, какъ и вторая, но только надъ нею находится восьмиугольный срубъ съ высокимъ шатромъ.

Возвращаясь снова въ г. Кемь на карбасѣ, я уже въ послѣдній разъ слушалъ тѣ удалыя и заунывныя пѣсни гребцовъ, которыя оживляли наше трудное путешествіе и теперь еще такъ живы въ моей памяти.

---

*) Подъ колокольнею этихъ церквей сохраняются груды различныхъ древнихъ церковныхъ предметовъ еще никѣмъ не разобранныхъ.

Рисунокъ VIII-й.

Деревянныя церкви XVII ст., въ селѣ Шуѣ, Арханг. губ., Кемскаго уѣзда.

Соловецкій монастырь. — Путешествіе изъ г. Онеги въ гор. Каргополь. — Дорога изъ Каргополя въ гор. Пудожъ. — Александро-Свирскій монастырь. — Взглядъ на древнее искусство сѣверной Россіи и состояніе современнаго искусства въ народѣ.

Укрѣпленіе Соловецк. монаст.

Въ ожиданіи парохода мы ночевали въ гор. Кеми. На разсвѣтѣ другаго дня, сѣли на пароходъ и съ восходомъ солнца уже приближались къ знаменитой народной святынѣ,—къ древней обители Соловецкой. Но едва сквозь легкую синеву безоблачнаго неба граціозно обрисовались бѣлыя массы церквей и засверкали ихъ главы, пароходъ внезапно остановился; машина испортилась и перестала работать. Благодаря любезному распоряженію капитана, мы пересѣли въ особую лодку и медленно стали входить въ Соловецкій портъ. Масса большихъ и маленькихъ островковъ съ возвышающимися на нихъ огромными деревянными крестами, служившими памятью разныхъ событій, подготовляли насъ къ общей жизни Соловецкаго монастыря. На пристани засуетилась масса всякаго люда, собравшагося привѣтствовать своихъ новыхъ гостей. Огромныя чайки и сѣрые неуклюжіе птенцы ихъ съ пронзительнымъ крикомъ подлетали и подбѣгали къ богомольцамъ за обычными подачками. Все конечно дышало своеобразною жизнью, но такъ какъ мнѣ собственно довелось посѣтить Соловецкій монастырь уже второй разъ, то новыя впечатлѣнія значительно ослаблялись воспоминаніями прошлаго. Расположившись въ монастырской гостиницѣ, довольно просторномъ каменномъ зданіи, я скоро перешелъ къ вторичному обзору самаго монастыря.

Соловецкая обитель, какъ извѣстно, основана въ первой половинѣ XV ст. новгородцемъ Зосимою. Онъ впервые проникъ

въ эти дикія мѣста, первый внесъ идеи христіанской религіи, и созданная имъ обитель, какъ факелъ, засвѣтила своею духовною жизнью всему Сѣверному краю Россіи.

Главныя древнія постройки монастыря относятся къ XV и XVI ст. Изъ нихъ каменный Преображенскій соборъ, построенный св. Филиппомъ, представляетъ собою высокое прямоугольное строеніе съ пятью куполами. Квадратное помѣщеніе всего храма раздѣляется на три части, при чемъ восточная часть отходитъ для алтаря, а двѣ остальныя, разграниченныя двумя столбами, составляютъ собственно церковь. Все строеніе помѣщается на высокихъ подвалахъ. Стѣны собора, доходящія до 6-ти арш. толщины, имѣютъ съ наружной стороны нѣкоторый уклонъ. Лѣстница въ церковь идетъ изъ галлереи, пристроенной въ позднѣйшее время съ сѣверной и западной сторонъ храма. Въ толщѣ южной и западной стѣнъ устроена каменная лѣсенка, ведущая въ четыре придѣла, находящіеся какъ бы на чердакѣ собора подъ его угловыми главами *). Вмѣсто прямыхъ скатовъ существующей нынѣ крыши, въ древности находилось нѣсколько рядовъ кокошниковъ, что ясно видно на старинныхъ иконописныхъ изображеніяхъ собора.

Въ строеніяхъ, соединяющихъ главный храмъ съ трапезной, находится богатая библіотека, часть книгъ которой хранится въ Казанскомъ университетѣ. Библіотека довольно большая, прекрасно содержится, но особеннаго интереса по миніатюрамъ, заставкамъ и вообще въ художественномъ отношеніи не представляетъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ мѣстный архивъ, въ которомъ, какъ мнѣ передавали, находится масса всевозможныхъ рукописей, относящихся къ прежнимъ монастырскимъ вотчинамъ. Изученіе этого матеріала, несомнѣнно, могло-бы значительно освѣтить исторію нашего Сѣвера, ибо Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, игралъ не малую роль въ жизни не только поморья, но и болѣе отдаленныхъ мѣстъ.

Подъ библіотекою находится монастырская ризница, привлекающая особенное вниманіе не только по своему богатству, но и по массѣ древнихъ церковныхъ вещей, весьма интересныхъ въ художественномъ отношеніи. Кромѣ различныхъ древнихъ евангелій, крестовъ, кадилъ и т. п. металлическихъ предметовъ, жертвован-

*) Чертежи и болѣе подробное описаніе Соловецкаго собора — въ моей статьѣ, помѣщенной въ журналѣ «Зодчій» за 1883 годъ.

ныхъ разными царями, есть чрезвычайно любопытные вышивные воздуха, покровцы и плащаницы, а также крайне интересная коллекція грамотъ Марѳы Борецкой, Новгородскихъ владыкъ, Грознаго и др. историческихъ лицъ. Изъ зданій, построенныхъ св. Филиппомъ, кромѣ собора, сохранилась трапезная церковь и монастырская мельница. Первая состоитъ изъ большаго помѣщенія—собственно трапезной, и продолговатаго помѣщенія для молящихся. Эта часть снаружи увѣнчивается тремя главами и въ старину была покрыта тремя двухскатными крышечками. Мельница имѣетъ видъ двухэтажнаго каменнаго строенія съ весьма красивою галлерейкою. Въ недавнее время часть этого зданія была уничтожена и сдѣланы нѣкоторыя поправки въ самомъ устройствѣ мельницы.

Тюрьма, получившая такое громкое имя въ страницахъ нашей исторіи, представляетъ трехэтажное каменное строеніе съ корридорами, изъ которыхъ проходятъ въ мрачныя темничныя келіи. Здѣсь невольно представляется въ памяти грознымъ призракомъ весь стонъ, вся кровь, пролитая на этихъ сырыхъ, холодныхъ плитахъ. Здѣсь были богатый бояринъ, митрополитъ, раскольникъ, монахъ; здѣсь же нерѣдко совсѣмъ забытые осужденные умирали съ голоду.

Монастырская школа, судя по программѣ ея, приготовляетъ изъ дѣтей, большею частію, ту же общину, тѣхъ же аскетовъ. Мальчикъ, являющійся сюда какъ сирота или по обѣщанію родителей, послѣ непосильныхъ работъ и побоевъ въ своей семьѣ, конечно, находитъ здѣсь лучшую жизнь. Онъ сытъ, одѣтъ и не обремененъ работами. Послушаніе—это его альфа и омега. Естественно, что такая жизнь, среди общаго послушанія, для мальчика дѣлается идеальною, а если заговорили въ немъ молодость, жажда иной жизни, то твердый духъ иноковъ подавитъ всѣ естественныя пробужденія его и онъ дѣлается истиннымъ членомъ обители.

Трапезная монаховъ и іеромонаховъ—довольно большое помѣщеніе съ цѣлымъ рядомъ столовъ, покрытыхъ чистыми скатертями. Каждый приборъ состоитъ изъ оловянной тарелки, ложки и вилки. Кромѣ того, разставляются хлѣбъ, соль, квасъ въ бутылкахъ и маленькія селедочки для закуски. Послѣ общей молитвы

садятся за столы, затѣмъ по первому звонку моментально растворяются двери буфета и послушники съ большими мисками направляются къ столамъ и быстро разставляютъ первое блюдо (варево). Затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время раздается новый звонокъ и появляется второе блюдо и т. д. Во время трапезы и по окончанiи ея читаются молитвы. Для женщинъ-богомолокъ существуетъ особая трапезная. Обѣдъ состоитъ обыкновенно изъ четырехъ и пяти блюдъ—окрошка изъ щуки, супъ изъ палтусины, уха, пшенная каша, а въ праздничные дни сверхъ того подаются молоко и пироги.

Кромѣ упомянутыхъ нами зданiй, въ стѣнахъ монастыря группируются еще другiя новѣйшiя церкви и часовни. Въ отдѣльныхъ корпусахъ, расположенныхъ на монастырскихъ дворахъ, находятся покои архимандрита, келiи iеромонаховъ, монаховъ, школа, больница, баня, овощная лавка, рухлядная, для склада всякихъ пожертвованiй, и мастерскiя (столярная, живописная, сапожная и портняжная). При трапезныхъ находятся особыя хлѣбопекарни, квасная и огромныя кухни. На главномъ дворѣ монастыря сложены ядра, собранныя послѣ бомбардированiя монастыря англичанами. Тутъ-же расположены разные памятники, изъ которыхъ особенное вниманiе привлекаетъ плита съ надписями надъ могилою Авраамiя Палицына *). Всѣ дворы монастыря усѣяны чайками и ихъ дѣтенышами, свободно прогуливающимися между богомольцами. Огромныя стаи этихъ прирученныхъ птицъ производятъ сначала прiятное впечатлѣнiе, но затѣмъ ихъ постоянный и оглушительный крикъ дѣлается положительно надоѣдливымъ.

Ограда, окружающая монастырь, относится къ XV ст. и представляетъ собою необыкновенно толстую стѣну, сложенную изъ огромныхъ валуновъ. Въ верхней части ея идетъ кругомъ всего монастыря крытая галлерея съ маленькими отверстiями для пушекъ. Въ одной изъ башенъ этого укрѣпленiя находится арсеналъ, гдѣ сохраняются остатки бывшей весьма интересной коллекцiи всевозможнаго оружiя **) (стрѣлы, пищали, пороховницы, топоры, бердыши, самострѣлы и т. п.).

---

*) Памятникъ этотъ оставался, почти въ землѣ, затеряннымъ народною памятью и только въ недавнiе годы одинъ изъ монаховъ, случайно обративъ вниманiе на подпись, открылъ его для всѣхъ интересующихся посѣтителей.

**) Наиболѣе интересныя вещи поступили въ Артиллерiйскiй музей при Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ.

Рисунокъ IX-й.

Церковь Владимірской Божіей Матери

въ селѣ Подпорожьи, Арханг. губ., Онежскаго уѣзда.

Съ внѣшней стороны монастыря красиво раскинуты каменныя часовни, огромное озеро, гостиница, докъ, шлюзы, искусственная гавань и старая деревянная гостиница, полуразбитая ядрами англичанъ. Все это тонетъ среди густыхъ деревьевъ и живописно окружаетъ высокія, мрачныя стѣны монастыря.

Островъ, на которомъ находится Соловецкая обитель, имѣетъ до 30 верстъ длины и до 20 ширины. Вокругъ этого главнаго острова группируются небольшіе острова: Анзерскій, Муксаломскій, Заячій и др., на которыхъ расположено нѣсколько скитовъ и множество промысловыхъ заводовъ.

Монашествующихъ на всѣхъ островахъ считается до 400 человѣкъ, кромѣ того въ монастыряхъ всегда проживаетъ масса «годовиковъ»—людей, добровольно посвятившихъ себя на годъ труда въ пользу монастыря. Въ лѣтнюю пору, на время покосовъ нанимается еще множество рабочихъ съ поморья. Хозяйство монастыря ведется въ обширныхъ размѣрахъ; здѣсь вы видите не только мастерскія, но и цѣлые заводы, скотные дворы, парники, огороды, три парохода, суда и пр.

Вѣчная работа кипитъ то въ свѣчныхъ, кузницахъ и кожевняхъ, то на сѣнокосахъ, кирпичныхъ заводахъ и рыбныхъ ловляхъ. Словомъ, все, что необходимо для жизни монастыря, кромѣ крупы, муки и каменнаго угля, производится здѣсь на мѣстѣ. Эта кипучая дѣятельность и знаніе всякаго ремесла разносятся тѣми же годовиками по всему Сѣверному краю. Соловецкій монастырь, какъ ставропигіальный, подчиненъ Св. Суноду. Церковныя дѣла и монастырское хозяйство находятся въ распоряженіи настоятеля-архимандрита и соборной братіи (намѣстника, ризничаго, эконома, духовника и благочиннаго). Годовой доходъ монастыря, судя по числу являющихся сюда богомольцевъ (до 15 т.), пожертвованіямъ и процентамъ съ капитала, простирается до 200.000 руб., а все хозяйство его цѣнится въ нѣсколько милліоновъ рублей. Изъ колоссальныхъ сооруженій монастыря особенное вниманіе обращаетъ на себя Муксаломскій мостъ, раскинутый на протяженіи 3-хъ верстъ. Онъ сложенъ мѣстными монахами и состоитъ изъ громадныхъ камней, сплошь наложенныхъ съ одного острова на другой, причемъ только въ средней его части сдѣлано нѣсколько пролетовъ для движенія воды во время морскихъ приливовъ и отливовъ. Изъ другихъ капитальнѣйшихъ сооруженій заслуживаетъ вниманія — докъ, въ которомъ чинятся не только

монастырскіе, но и архангельскіе пароходы. Онъ занимаетъ довольно большое пространство и тщательно сооруженъ изъ гранитныхъ плитъ самими монахами. Вода проходитъ въ докъ чрезъ особый шлюзъ изъ громаднаго озера, высота воды котораго значительно выше уровня моря.

При посѣщеніи скитовъ Соловецкаго монастыря, я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ изъ монаховъ, который при мнѣ руководилъ постройкою большаго двухэтажнаго корпуса. Этотъ самоучка-архитекторъ дѣйствительно интересовался постройкой и хорошо понимаетъ свое дѣло: онъ самъ чертилъ планы, давалъ практическіе рисунки и, видимо, не стѣснялся различными способами кладки сводовъ.

Соловецкіе острова изобилуютъ массою озеръ съ различными высотами уровней воды и соединяются красиво раскинутыми рѣчками и рукавами. Множество отдѣльныхъ скитовъ, часовень, заводовъ ютятся то на вершинахъ горъ, то среди обширныхъ лѣсовъ и луговъ, покрытыхъ тысячами разныхъ птицъ и цѣлыми стадами оленей. Охота на птицъ и животныхъ здѣсь еще съ давнихъ временъ запрещена, вслѣдствіе чего на всѣхъ Соловецкихъ островахъ, среди «студенаго моря», ничто и никто не пугается другъ друга, а все живетъ какою-то общею мирною жизнью. Изъ скитовъ особенно живописны Голгоѳа и Сѣкирная гора, доходящая высотою до 40 саж. На вершинѣ этой горы высится скитская церковь, въ куполѣ которой устроенъ маякъ, видимый съ моря, какъ говорятъ, болѣе чѣмъ на 60 верстъ. Наблюдающему съ этого маяка, всѣ окружающіе острова съ ихъ Соловецкою обителью и едва видные берега моря представляются колоссальнѣйшею панорамою. Сотни озеръ блестятъ то яркою полосою отраженныхъ лучей солнца, то какъ серебро разливаются въ тѣневыхъ берегахъ. Бѣлыя очертанія строеній и пробѣгающіе извилистые ручейки какъ-то мирно прячутся въ огромныхъ сосновыхъ рощахъ, а вся эта картина окутывается легкою синевою моря и тамъ, изъ-за опушки лѣса, медленно выступаютъ стада оленей и пробираются на свои любимые мхи. На разсвѣтѣ, въ полдень и при закатѣ солнца все это покрывается тысячами тоновъ; громады водъ, убѣгая все дальше и дальше, какъ-то чаруютъ, зовутъ васъ и наконецъ пропадаютъ въ легкихъ тонахъ небосклона. Конечно, все это можно наблюдать только въ лучшіе, ясные дни Сѣвера; въ другое же время, эта див-

Рисунокъ X-й.

Церковь Благовѣщенія въ селѣ Посадномъ, Архангельск. губ., Онежскаго уѣзда.

ная панорама покрывается непроглядным туманомъ; васъ охватываетъ холодъ, буря и пронзительный стонъ моря. Тогда, подъ этими удручающими явленіями, вами невольно овладѣваетъ тяжелая тоска и нарождаются мрачныя думы.

Проживши цѣлую недѣлю въ Соловецкомъ монастырѣ, я сдѣлалъ нѣсколько архитектурныхъ замѣтокъ, фотографій, и 22 іюля, простившись со своимъ товарищемъ по путешествію, сѣлъ на пароходъ «Владиміръ» и отправился снова въ г. Онегу.

Послѣдній передъ моимъ пріѣздомъ сгорѣлъ и представлялъ собою лишь жалкіе остатки и безъ того небольшаго городка. Отсюда на лошадяхъ я поѣхалъ берегами рѣки Онеги въ г. Каргополь. Дорога, довольно порядочная, шла вначалѣ горѣлымъ лѣсомъ, а затѣмъ открытыми красивыми берегами рѣки. Проѣзжая этимъ путемъ, мнѣ удалось собрать весьма интересный матеріалъ по древне-церковному зодчеству въ селахъ Подпорожьѣ, Чекуевѣ, Посадномъ и др. Въ первомъ находятся двѣ деревянныя церкви и колокольня. Одна изъ церквей, во имя Владимірской Божіей Матери (рисун. IX-й), крайне любопытна по своимъ наружнымъ формамъ. Она построена, какъ значится въ клировыхъ записяхъ, въ 1741 г. Обшивка стѣнъ, оконъ и карнизовъ церкви сдѣлана въ недавнее время; общія же формы вполнѣ сохранились. Старинное крыльцо, при обшивкѣ церкви, нѣсколько передѣлано, хотя находится на томъ же мѣстѣ. Оно, какъ замѣтно и въ другихъ церквахъ, расположено со стороны входа на погостъ.

Всѣ срубы храма имѣютъ подвалы — «подцерковье». Главный срубъ увѣнчивается пятью главами, а три прируба завершаются небольшими шатриками съ главками. Алтарь состоитъ изъ трехъ дѣленій, причемъ каждое изъ нихъ имѣетъ форму половины восьмиугольнаго сруба. Эти дѣленія занимаютъ все пространство восточныхъ стѣнъ, главнаго и боковыхъ срубовъ. Крыша надъ алтаремъ общая, въ формѣ трехлопастнаго очертанія съ заостреніемъ вверху *).

*) Подробный взглядъ на такія покрытія — въ моемъ сочиненіи: «Очерки по исторіи памятниковъ древняго русскаго зодчества», изданіе Императорской Академіи Художествъ.

Другая церковь (1725 г.) состоитъ изъ главнаго прямоугольнаго сруба, съ пятью главками, и придѣльнаго — съ одною главкою. Крыши надъ обоими помѣщеніями сдѣланы такой же формы, какъ и на главномъ срубѣ предъидущей церкви. Алтари пятистѣнные, въ видѣ половинъ восьмиугольныхъ срубовъ. Къ западной сторонѣ церкви прилегаютъ трапезная и галлерейка.

Выше Подпорожья, на Кожескомъ погостѣ, вполнѣ сохранилась древняя (1659 г.) одношатровая церковь съ однимъ алтарнымъ прирубомъ. Съ западной стороны примыкаетъ трапезная и открытая лѣстница. Вся церковь довольно большихъ размѣровъ и очень стройныхъ пропорцій.

Въ селѣ Чекуевѣ находятся старинная колокольня и три деревянныя церкви (Преображенская—1687 г., Успенская—1657 г. и Срѣтенская—1677 г.). Къ сожалѣнію, стѣны ихъ, карнизы и окна обшиты тесомъ, вслѣдствіе чего многія первоначальныя детали затеряны, общія же формы существуютъ въ древнемъ видѣ. Двѣ изъ этихъ церквей похожи на Подпорожскую церковь, а третья, теплая, состоитъ изъ главнаго прямоугольнаго сруба, на которомъ поднимается восьмиугольный срубъ, покрытый граненымъ куполомъ, увѣнчаннымъ кокошничками и одною главкою. Къ восточной сторонѣ примыкаетъ пятистѣнный алтарь, а къ западной — трапезная.

Въ селѣ Посадномъ существуютъ двѣ деревянныя, весьма достопримѣчательныя церкви. Одна изъ нихъ, Преображенская, очень сходна съ описанною церковью въ селѣ Подпорожьѣ (въ ней сохраняются двое древнихъ царскихъ дверей великолѣпной работы). Другая церковь, во имя Благовѣщенія Божіей Матери (рисун. X-й), представляетъ слѣдующее расположеніе въ планѣ: съ западной стороны находится продолговатый срубъ — папертъ; въ нее ведетъ съ сѣверной стороны небольшая лѣсенка съ открытымъ крыльцомъ. Изъ паперти входятъ въ большое помѣщеніе — трапезную съ четырьмя внутренними столбами. Подъ квадратными башенными срубами находятся особые придѣлы съ пятистѣнными алтарями. Дверь въ стѣнѣ между придѣлами выходитъ въ папертъ главной церкви. Съ сѣверной стороны эта папертъ имѣетъ видъ галлерейки, на кото-

Рисунокъ XI-й.

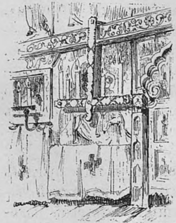
Церковь Рождества Пресв. Богор., на Колодозерскомъ погостѣ, Олонецкой губ., Пудожскаго уѣзда.

рую подымается самостоятельная открытая лѣсенка съ «сѣнцами». Главный прямоугольный срубъ церкви, на нѣкоторой высотѣ переходитъ въ восьмиугольный и оканчивается шатровою крышею. Пятистѣнный крайній алтарь покрытъ «бочкою», на которой поставлена шейка съ главкою. Наружная паперть и крыльцо, по свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ жителей, построены не одновременно съ самой церковью. Длина всего храма болѣе 70 арш., а ширина—27 аршинъ.

При дальнѣйшемъ проѣздѣ р. Онегою, я между прочимъ слышалъ о нѣкоторыхъ оригинальныхъ явленіяхъ въ южной части Онежскаго уѣзда; такъ близь деревни Шелеховской находится довольно большое озеро, вода котораго въ извѣстные періоды (чрезъ 2—3 года) зимою уходитъ вся сквозь какое то неширокое горло. Ледъ конечно послѣ этого осыпается и дно озера становится доступнымъ для собиранія оставшейся здѣсь рыбы. Весною озеро снова наполняется водою и остается такимъ опять на два, на три года. Въ этихъ-же мѣстахъ, разсказываютъ, находятся прямо на поверхности земли довольно высокіе фонтаны чистой прѣсной воды. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось побывать въ этихъ краяхъ, а потому судить о томъ насколько разсказы о нихъ правдивы, я не рѣшаюсь, хотя слышалъ ихъ неоднократно отъ разныхъ лицъ.

Дорога къ архангельскому тракту все время была довольно сносная, но въ сторону отъ р. Онеги въ намѣченныя мною села проходила болотами и потому пробраться въ извѣстныя села возможно было только верхомъ, или пѣшкомъ, что конечно съ фотографическимъ аппаратомъ и багажемъ было почти немыслимо. Для подобныхъ дорогъ, но только въ болѣе сухихъ мѣстахъ, выработался даже особый экипажъ: лошадь впрягаютъ только въ однѣ оглобли, которыя сзади ея связываются веревками, и въ нихъ вплетаютъ охапку сѣна для сидѣнья, концы оглобель, скользя по землѣ, замѣняютъ такимъ образомъ колеса. Это оригинальное устройство экипажа нерѣдко можно встрѣтить и въ Олонецкой губерніи. Я хотя и пробовалъ ѣхать при такихъ условіяхъ, но никакъ не могъ примѣниться къ сидѣнью.

Разставшись съ Онежскимъ уѣздомъ, я, наконецъ, выбрался на Петербургско-Архангельскій трактъ. Продолжая осмотръ попутныхъ памятниковъ, я снялъ нѣсколько фотографій съ древнихъ церквей и затѣмъ прибылъ въ г. Каргополь. Послѣдній



живописно раскинутъ по берегамъ рѣки Онеги и ярко блеститъ своими бѣлокаменными храмами. Городъ довольно чистенькій и весьма интересный по своимъ памятникамъ древняго русскаго каменнаго зодчества. Въ каргопольскихъ церквахъ чувствуется нѣкоторый особый, мѣстный оттѣнокъ архитектуры XVII ст.; такъ, многіе изъ храмовъ со всѣми украшеніями оконъ, порталовъ и карнизовъ сдѣланы изъ бѣлаго камня, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Россіи церкви этого періода строились изъ кирпича. Кромѣ того въ наружныхъ украшеніяхъ нѣкоторыхъ церквей замѣтны чрезвычайно изящныя и оригинальныя детали, рѣдко попадающіяся въ русскомъ зодчествѣ средней полосы Россіи. Всѣ выдающіеся памятники древней архитектуры г. Каргополя подробно обслѣдованы мною, зачерчены и сфотографированы.

Дальнѣйшій путь былъ избранъ мною на городъ Пудожъ. Въ селеніяхъ, лежащихъ по этой дорогѣ, я встрѣтилъ не мало древнихъ деревянныхъ церквей XVII ст., но, къ сожалѣнію, почти всѣ онѣ до нѣкоторой степени передѣланы и только сохранились ихъ общія формы. Здѣсь уже не встрѣчается такихъ покрытій главнаго сруба, какъ напр. въ селѣ Подпорожьѣ — «кубомъ», а преимущественно распространенъ типъ шатровыхъ церквей, въ родѣ церкви (рис. XI-й) на Колодозерскомъ погостѣ. Колокольни по большей части состоятъ изъ одного восьмиграннаго сруба, на которомъ прямо устроенъ навѣсъ (звоница), увѣнчанный высокою шатровою крышею.

Кромѣ старинныхъ церквей, въ Пудожскомъ уѣздѣ часто встрѣчаются «черныя» или «рудныя» избы *). Онѣ любопытны не только по самому типу ихъ, но и по детальнымъ украшеніямъ. Обыкновенно такія строенія состоятъ изъ одного длиннаго сруба, раздѣленнаго поперечными стѣнами на жилое помѣщеніе и «дворище», покрытыя общею двухъ-скатною крышею. Лицевая узкая часть сруба занимается жилыми комнатами, приэтомъ если домъ принадлежитъ небольшой семьѣ, то низъ этой части сруба «подклѣть» отводится для кладовыхъ и мелкаго скота. Когда же

*) «Рудная» отъ слова рýдится, — марается.

Рисунокъ XII-й.

„Двужирная изба" въ селѣ Гавриловскомъ, Олонецкой губ., Каргопольск. уѣзда.

домъ предназначается для большаго семейства, то жилье находится въ двухъ этажахъ и тогда изба называется «двужирною» *) (рисун. XII-й). Къ задней стѣнѣ избы обыкновенно примыкаютъ сѣни, изъ которыхъ идутъ двери въ общую жилую комнату, въ горницу, въ заднюю хозяйственную часть сруба и на особый балкончикъ — «галдарейку». Заднiй хозяйственный срубъ также раздѣленъ на два этажа, — въ первомъ находятся конюшни и хлѣва, а во второмъ, — помѣщаются телѣги, сани, сбруя, сѣно, овесъ и пр. Для наружнаго сообщенiя со вторымъ хозяйственнымъ этажемъ всегда дѣлаютъ особый наклонный помостъ «взвозъ». Подъ крышами надъ жилыми комнатами нерѣдко устраиваютъ «свѣтелку» съ длиннымъ балкономъ. Въ «рудныхъ» черныхъ избахъ— дымовыя трубы дѣлаются деревянныя съ красивою обработкою (стр. 29-я). Почти всѣ избы Олонецкой губ. имѣютъ общiй характеръ съ остальными избами сѣверныхъ окраинъ Россiи. Группировка хозяйственныхъ и жилыхъ помѣщенiй подъ одну крышу даетъ избамъ кромѣ удобства въ частной жизни и нѣкоторую солидность. Вслѣдствiе этого устройство жилищъ нашего Сѣвера кажется болѣе зажиточнымъ, чѣмъ въ средней полосѣ Россiи, гдѣ хозяйственныя помѣщенiя имѣютъ самостоятельный характеръ.

Изъ другихъ сельскихъ построекъ въ этомъ уѣздѣ любопытны сараи «ригачи» для просушки хлѣба. Они устроены такъ, что верхняя поверхность печи приходится въ серединѣ сарая за подлицо съ поломъ. Хлѣбъ прямо складывается на печь, затѣмъ сушится и тутъ же молотится. Эти строенiя признаны опасными въ пожарномъ отношенiи и выводятся изъ употребленiя. Отчасти въ замѣнъ этого теперь устраиваются «зороты», т. е. ряды высокихъ стоекъ съ просунутыми въ нихъ горизонтальными жердями, между которыми и кладутъ снопы овса или ржи, для просушки прямо на солнцѣ.

Подъѣзжая къ городу Пудожу въ одинъ изъ праздниковъ, мнѣ довелось видѣть здѣсь совершенно такiе-же богатые наряды, какiе носятся и на поморьѣ. Разница только въ головныхъ уборахъ, а именно: вмѣсто высокихъ кокошниковъ, распространенныхъ въ Архангельской губ., здѣсь принятъ родъ вѣнчика (вышитаго золотомъ), верхняя часть котораго украшена стоячими полукруглыми шнурами, унизанными жемчугомъ.

---

*) Первоначальное названiе такихъ избъ, вѣроятно, было «двужильная»—два жилья.

Минуя побережныя села Онежскаго озера, въ которыхъ памятники древняго искусства частью уже изслѣдованы покойнымъ академикомъ архитектуры Л. В. Далемъ, я отправился въ Александро-Свирскій монастырь, въ г. Олонецъ и въ ближайшія къ нему селенія.

Свирскій монастырь раздѣляется собственно на два монастыря, — Троицкій и Преображенскій. Въ первомъ особенно замѣчательна церковь, построенная еще при жизни Пр. Александра Свирскаго. Судя по архитектурѣ, строителями ея были новгородскіе мастера. Вторая, довольно красивая по общимъ массамъ, церковь св. Троицы, построена, какъ видно изъ лѣтописей, въ XVII ст., московскими мастерами. При этихъ церквахъ находится старинная звонница, въ видѣ высокаго трехэтажнаго корпуса съ широкими арками, и громадные каменные корпуса, построенные вокругъ церквей, имѣющіе значеніе монастырской ограды. Въ Преображенскомъ монастырѣ изъ древнихъ строеній, хотя частію уже передѣланныхъ, обращаютъ на себя вниманіе соборъ и колокольня, построенные при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Кромѣ церковныхъ сооруженій, здѣсь находится, монастырская ризница, которая въ данное время, благодаря просвѣщенному вниманію настоятеля, приведена въ порядокъ и можетъ считаться однимъ изъ цѣнныхъ хранилищъ древнихъ, весьма художественныхъ предметовъ русской старины. Здѣсь особенно замѣчательны серебряная чеканная рака Пр. Александра Свирскаго (даръ царя Михаила Ѳеодоровича), затѣмъ напрестольные кресты, образа въ чеканныхъ серебряныхъ окладахъ, евангелія, митры, вышитыя шелками плащаницы, воздуха и другіе предметы, жалованные русскими царями, князьями, царицами и именитыми людьми. Свирскій монастырь былъ особенно любимъ, не только народомъ, но и царями, которые очень часто дѣлали сюда богатые вклады, и если бы онъ не подвергался разореніямъ, особенно со стороны Литовцевъ, то несомнѣнно сохранилъ бы у себя еще большее число драгоцѣнныхъ для насъ памятниковъ роднаго искусства.

Въ тяжелыя времена Россіи этотъ монастырь не мало помогалъ государству своими матеріальными средствами. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, здѣсь была учреждена епископская кафедра, устроена семинарія и консисторія. Почти съ этого-же времени, когда монастырскія земли были отписаны въ казну и многія при-

Рисунокъ XIII-й.

Церковь на Кондужскомъ погостѣ, Олонецкой губ., построенная въ 1613 г.

виллегіи монастырей ограничены, Свирская обитель стала приходить въ упадокъ. Въ настоящее время Троицкій монастырь выглядитъ совершенно забытымъ и только Преображенскій монастырь имѣетъ еще видъ, хотя скромнаго, но вполнѣ благоустроеннаго уголка знаменитой обители. Густые лѣса, глубокіе овраги и озера чрезвычайно живописно окружаютъ монастырь и какъ бы задумчиво хранятъ въ себѣ безмолвные остатки его прежняго величія.

Покинувъ этотъ чудный и мирный уголокъ, я поѣхалъ въ г. Олонецъ и въ нѣкоторыя ближайшія къ нему села.

Почти всѣ встрѣченныя здѣсь мною древнія деревянныя церкви, нынѣ передѣланы и не представляютъ большаго значенія въ области исторіи русскаго зодчества. Онѣ, видимо, и не имѣли замысловатыхъ формъ, или особаго типа. Обыкновенно, къ главному прямоугольному срубу церкви примыкаетъ одинъ прирубъ для алтаря и другой, большихъ размѣровъ, съ западной стороны для паперти. Крыши, видимо, чаще всего дѣлались съ прямыми скатами. Церкви эти, хотя простыхъ формъ, но не лишены изящныхъ пропорцій. Къ такому характеру построекъ можно отнести церковь на Кондужскомъ погостѣ, построенную въ 1613 г. (рисун. XIII-й).

Подобнаго же вида находятся церкви на Шаминскомъ погостѣ. Одна изъ нихъ во имя Покрова Пресв. Богородицы, построенная въ 1667 году (рисун. XIV-й), представляетъ такое расположеніе: съ западной стороны, на низенькомъ прямоугольномъ срубѣ возвышается восьмиугольная колокольня. Въ нижней части ея размѣщены по бокамъ прохода лавочки, въ которыхъ по праздникамъ продаются образки, крестики и т. п. Изъ-подъ колокольни входятъ въ большое помѣщеніе—притворъ, отсюда попадаютъ въ трапезную и въ самую церковь. Притворъ, трапезная, главный срубъ церкви и алтарь покрыты двухъ-скатными крышами, причемъ надъ алтаремъ и церковью возвышаются небольшія главки. Такой характеръ церквей видимо распространенъ во всей западной части Олонецкой губерніи.

Древнія деревянныя церковныя ограды состоятъ изъ невысокихъ бревенчатыхъ стѣнъ, скрѣпленныхъ на извѣстномъ разстояніи квадратными, или трехугольными срубиками (контрофорсами). Первыя, иногда, утилизировались для торговыхъ цѣлей, т. е. служили во время базаровъ лавочками. Ограды покрыты

двухъ-скатными крышечками (рис. XIII-й). При входѣ въ ограду, уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ святыя ворота съ навѣсомъ и галлерейкою; послѣдняя предназначалась въ день св. Георгія (23-го апр.) для молебствія и окропленія св. водою скота, приводимаго крестьянами передъ выгономъ его въ поля.

Ограничившись поверхностнымъ разборомъ древнихъ церквей сѣверной Россіи, и оглянувшись на всю исторію искусства въ Русской землѣ за христіанскій періодъ, дѣлается очевиднымъ, что искусство нашего Сѣвернаго края возростало среди чисто-русской народной жизни. Оно зародилось еще съ первыми зачатками христіанской общинной жизни, и что ни дѣлалось въ Суздальскомъ краѣ, куда шли мастера «отъ всѣхъ земель»; оно продолжало свою жизнь на Сѣверѣ, такъ сказать физіологическимъ путемъ. Тихою, но твердою поступью оно проникало въ глубь Сѣвера и тамъ собственными силами развивалось почти до половины прошлаго столѣтія.

Весьма понятно, что «наносное» искусство въ этихъ краяхъ (даже византійскія формы) не могло примѣняться въ народѣ, оно не подходило къ его собственной жизни и подъ тяжестью естественныхъ требованій и развитія національнаго творчества должно было отойти отъ деревянныхъ сооруженій. Конечно, все, что только появлялось въ деревянной архитектурѣ, долго не вступало въ борьбу съ обычными (до XVI в.) у насъ формами византійскаго зодчества; но какъ только народное искусство назрѣло, то первый-же починъ примѣненія деревянныхъ формъ, въ каменной архитектурѣ, далъ рѣшительный ударъ всему прошлому искусству, и мы видимъ, что съ XVI в. каменная архитектура значительно измѣнилась и ставъ самостоятельною величественно поднялась въ эпоху Алексѣя Михайловича. Съ прошлаго же столѣтія, когда русская жизнь очутилась въ тискахъ Запада, то и обычныя формы рус-

Рисунокъ XIV-й.

Церковь Покрова Пресв. Богородицы на Шамевскомъ погостѣ, Олонецк. губ., Лодейнопольскаго уѣзда.

скихъ построекъ быстро стали измѣняться не только въ центрахъ государственной жизни, но и въ самомъ народѣ. На дальнемъ Сѣверѣ, куда еще не могло скоро проникнуть вліяніе Запада, наше мастерство продолжало свое дѣло до половины XVIII ст.

Съ этого же времени настаетъ полный разладъ. Свое искусство начинаютъ пополнять пришлыми формами (разумѣется непонятными народу), совершенно бросаютъ народныя традиціи и переходятъ къ самому варварскому искаженію западныхъ формъ. И теперь трудно представить себѣ до какого безвкусія дожилъ нашъ народъ. Вездѣ гдѣ только является какая либо возможность сдѣлать обновленіе древней церкви, или создать новую, лежитъ печать жалкаго подражанія современности. Большинство видѣнныхъ мною древнихъ деревянныхъ церквей, — переправлены въ такой степени, что затеряны не только детали ихъ, но искажены и самыя формы. Грустно подумать, что за какое нибудь столѣтіе, народъ окончательно убилъ въ себѣ всѣ вѣковыя традиціи искусства и даже не видитъ достоинствъ своего прошлаго. Прекрасныя рѣзныя домашнія подѣлки, церковныя вещи, чеканная утварь и др. предметы, въ которыхъ ютилась наша духовная жизнь, грудами валяются подъ церквами и въ кладовыхъ, между тѣмъ многія изъ этихъ вещей даже въ настоящее время могли бы сдѣлать честь любой столичной мастерской *). И только теперь мало-по-малу наши памятники забытаго роднаго искусства съ каждымъ днемъ становятся болѣе понятными и близкими русскому сердцу.

Къ сожалѣнію, однако, не только въ простомъ народѣ, но и среди образованнаго люда, многіе еще какъ-то боятся признать за русскимъ искусствомъ его достоинства и законныя права на болѣе цвѣтущую будущность, между тѣмъ оно вышло изъ нашей жизни и конечно должно свѣтиться истиннымъ національнымъ духомъ и въ будущемъ. Изученіе сохранившихся памятниковъ

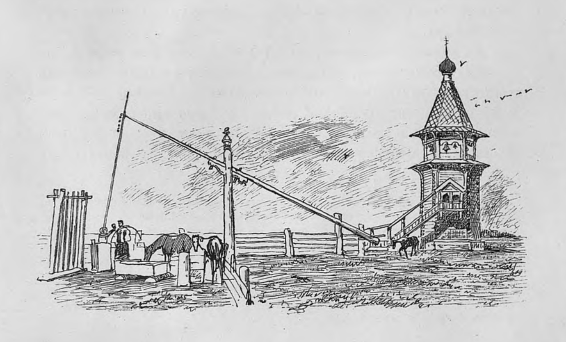
*) По рѣзному производству достаточно указать, напримѣръ, на царскія двери въ сельской церкви Іоанна Предтечи, на рѣкѣ Ишнѣ, Ярославской губерніи, на царское и патріаршее мѣста въ церкви Николы Мокраго, въ гор. Ярославлѣ, на царскія двери въ церкви Спаса Нерѣдицы, въ Новгородѣ, и на друг. Что это производство не было централизовано въ Россіи, а велось самимъ народомъ, видно изъ того, что массы царскихъ дверей, складней и друг. предметовъ, замѣчательно тонкой работы, разбросаны даже по самымъ бѣднымъ сельскимъ церквамъ всей средней и сѣверной Россіи. Эта любовь къ искусству замѣтна и въ домашней жизни русскаго народа, напр. въ рѣзьбѣ прялокъ, ящичковъ, божницъ и т. п.

уже нѣсколько лѣтъ ведется специалистами и разумѣется послужитъ почвою для дальнѣйшаго развитія русскаго искусства.

Жалко только то, что памятники деревянной архитектуры мало изслѣдованы и цѣлыми сотнями портятся и пропадаютъ безслѣдно. Между тѣмъ изученіе ихъ важно потому, что въ нихъ находится масса мотивовъ и мы могли бы, глубже вдумавшись въ естественный ходъ развитія народнаго творчества, понять его духовный языкъ, чтобы затѣмъ идти къ совершенствованію роднаго искусства прямою, самостоятельною дорогою.

Вл. Сусловъ.

С.-Петербургъ.
1888 г.



Перечень фотографій, снятыхъ во время путешествія съ памятниковъ древняго русскаго искусства.

Въ Сѣверномъ музеѣ въ г. Стокгольмѣ.

1. Деревянная купель для крещенія (Кристнигсбэгаре).
2. Гипсовая форма съ древняго деревяннаго портала въ церкви Аалсъ въ Галлиндалѣ въ Норвегіи.
3. Прялки (Спиннроккъ).
4. Скалки (кавельтрэдъ), пральникъ (капттрэдъ) и пр.
5. Сундучки (чиста).
6. Стулъ (стулъ), боковой видъ скамейки для выработки льна (линстулъ), деревянный ножъ для очистки льна (линкнифъ), инструментъ для наматыванія нитокъ (роккхуввудъ) и рычажекъ для растягиванія полотна (линнспэнне).
7. Подсвѣчникъ, кружка, ящикъ и спинка кресла. } Помѣщены въ текстѣ.
8. Стулъ, шайка, топоръ, коробка, ковшъ и пр. }

Архангельской губерніи и уѣзда.

9—10. Каменныя церкви Никольскаго монастыря съ древнею деревянною оградою (XVII ст.).

11—12. Деревянная церковь въ с. Заостровьѣ (XVII стол.) и порталъ ея.

13. Старинный налой и лампады, найденныя на чердакѣ этой церкви.

*14—16. Троицкая церковь въ Не́нокотскомъ посадѣ (XVII ст.).
17—19. Посадскія женщины и дѣвушки въ старинныхъ костюмахъ.
*20—22. Рѣзныя прялки и др. вещи поморской работы.
23. Церковь св. Николая въ Не́нокотск. погостѣ (XVII ст.).
24. Общій видъ Не́нокотскихъ деревянныхъ церквей.
*25—26. Деревянная церковь въ посадѣ Уна (XVI ст.).
27—31. Слюдяной фонарь, рѣзныя царскія двери и деревянный росписной подсвѣчникъ (XVII ст.), найденные въ подцерковьѣ Унской церкви.
32. Деревянная церковь и колокольня (XVII стол.) въ с. Нижмозерѣ.

Онежскаго уѣзда.

33. Двое царскихъ рѣзныхъ вратъ (XVII ст.), находящіяся въ кладовой Крестнаго монастыря на островѣ Кіо.
34. Заглавный листъ пергаментной псалтири XV ст., хранящейся въ ризницѣ Крестнаго монастыря.
35—37. Деревянныя церкви въ с. Варзогоры (XVII—XVIII ст.).
38. Желѣзныя лампады XVII ст., найденныя въ кладовой этой церкви.
39. Деревянная церковь св. Николая XVII стол. въ с. Малошуйскомъ.
*40—42. Деревянная церковь Вознесенія (1668 г. *) и древній иконостасъ въ селѣ Кушерецкомъ.
*43. Деревянная церковь и колокольня въ с. Унежмѣ (сохранилась съ XVII ст. въ древнемъ видѣ).
*44—45. Церковь Владимірской Божіей матери въ с. Подпорожьѣ, 1741 г.
46. Церковь св. Троицы (1725 г.) въ томъ же селѣ.
47. Общій видъ деревянныхъ церквей въ селѣ Подпорожьѣ.
48—49. Деревянныя церкви Воздвиженія и Климента XVII ст. на Кожескомъ погостѣ.
50—52. Церкви въ селѣ Чекуевѣ (Преображенская 1687 г., Успенская 1657 г. и Срѣтенская 1677 г.).
*53—55. Деревянныя церкви Преображенія и Благовѣщенія XVII ст. въ селѣ Посадномъ.

*) Года указаны по церковнымъ клировымъ записямъ.

56—59. Рѣзныя царскія двери XVII ст. (съ деталями), находящіяся въ Преображенской церкви.
60. Деревянная церковь въ Ямецкой пустыни.

Кемскаго уѣзда.

61. Церкви въ посадѣ Сума (каменная 1693 г. и деревянная 1625 г.).
*62—63. Деревянный соборъ въ г. Кеми (1714 г.).
64. Старинная росписная кіота, хранящаяся въ соборѣ.
65. Лампады: мѣдная висячая и желѣзная, надѣвавшаяся на деревянный круглый подсвѣчникъ (находятся въ кладовой Кемскаго собора).
*66—68. Деревянныя церкви XVII ст. въ селѣ Шуѣ (сохранились въ первоначальномъ видѣ).
69—70. Бывшее подворье Соловецкаго монастыря и остатки древняго острога въ г. Кеми.
71. Рѣзная деревянная сѣнь надъ престоломъ Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ (ажурной работы XVI ст.).
72—78. Древніе образа съ чеканными серебряными окладами и слюдяной выносный фонарь, находящіеся въ Преображенскомъ соборѣ.
79. Царскія двери XVI ст. въ церкви Благовѣщенія, въ Соловецкомъ монастырѣ.

Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда.

80. Древній деревянный крестъ съ вырѣзанною на немъ молитвою въ Усть-Мошинскомъ погостѣ.
81—83. Деревянныя церкви и колокольня (1678 г.) въ с. Бережно-Дубровскомъ (съ сохранившеюся древнею оградою).
84. Образъ св. Савватія (съ орнаментомъ изъ накладной мастики), находящійся въ кладовой этой церкви.
85. Общій видъ церквей въ селѣ Бережно-Дубровскомъ.

Каменныя церкви въ г. Каргополѣ.

86. Церковь Воскресенія Господня XVII ст.
*87—89. Южная сторона церкви Благовѣщенія; алтарная часть ея и деталь оконъ (XVII ст.).

90—91. Церковь Рождества Пр. Бог. (1670 г.) и деталь оконъ ея.
92. Наличникъ двери въ сторожку при Каргопольскомъ соборѣ (XVII ст.).
93. Царскія двери въ церкви Усѣкн. главы Іоанна Предтечи.

По тракту изъ г. Каргополя въ г. Пудожъ.

94. Деревянныя церкви въ с. Агафоновскомъ (съ древнею деревянною оградою).
95. Деревянная церковь въ с. Красная-Ляга (сохранилась въ древнемъ видѣ).
*96. Крыльцо этой церкви.
97. Общій видъ древнихъ церквей на Лядинскомъ погостѣ.
98. Двужирная изба въ деревнѣ Гавриловской.
99. Изба въ деревнѣ Сузицкой.
100. Деревянная церковь Рождества Пр. Бог. (XVII ст.) на Колодозерскомъ погостѣ.

Лодейно-Польскаго уѣзда, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ:

101. Каменная церковь Покрова Пр. Бог. (XV ст.).
102. Каменная соборная церковь св. Троицы (1695 г.).
103. Каменная звоница XVII ст.
*104. Каменное крыльцо Преображенскаго собора XVII ст.
105. Образъ Успенія Божіей Матери съ окладомъ.
106. Крышка Евангелія филиграновой работы съ эмалью.
107. Напрестольный эмалевый крестъ греческой работы XVI ст.
108. Крестъ Александра Свирскаго (XV ст.), напрестольный крестъ XVI ст. и образокъ эмалевый XVII ст.
109. Поставной деревянный запрестольный крестъ (рѣзной ажурной работы) эпохи царя Ѳеодора Алексѣевича.
110. Образа въ серебряныхъ окладахъ чеканной работы (XVI—XVII ст.).
111. Образъ Бож. Матери отъ деісуса, чеканный съ эмалью.
112. Митры (XVI—XVII ст.).
113. Вышивныя изображенія Александра Свирскаго и плащаницы (XVI—XVII ст.).
114—115. Серебряная чеканная рака (бочекъ и крышка) Св. Але-

ксандра Свирскаго, жалованная монастырю царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ.

116. Запрестольный образъ Корсунской Божіей Матери, украшенный басменными орнаментами.

117. Образъ Александра Свирскаго, съ серебрянымъ окладомъ чеканной работы,—даръ дьяка Захарія.

118—119. Серебряныя лампады (XVI—XVII ст.).

120. Кладбищенская церковь на Юргольскомъ погостѣ (XVII ст.).

121. Древнія деревянныя церкви на Кондужскомъ погостѣ.

122. Изба Кондужско-Свирскаго прихода.

123—125. Церкви Богоявленія и Покрова (1667 г.) на Шаменскомъ погостѣ.

126. Образъ Александра Свирскаго въ Покровской церкви.

Кромѣ этихъ фотографій, пріобрѣтены отъ мѣстныхъ фотографовъ различные снимки съ видовъ, типовъ и древностей Соловецкаго монастыря. Въ виду-же научнаго интереса древней церковной архитектуры нашего Сѣвера, мною сдѣланы для Императорской Академіи Художествъ подробные рисунки (планы фасады и разрѣзы) болѣе выдающихся памятниковъ въ существующемъ видѣ, и частью проекты реставрацій *).

*) Рисунки эти относятся къ тѣмъ фотографіямъ прилагаемаго перечня, которыя отмѣчены звѣздочками.

Изъ древностей, найденныхъ въ различныхъ кладовыхъ и поименованныхъ въ спискѣ фотографій, разысканы еще слѣдующія не сфотографированныя вещи *):

Въ Архангельской губерніи.

Въ церковной кладовой въ селѣ **Заостровьѣ**.

Цѣльная мѣдная лампада и два низка отъ подобныхъ же лампадъ, одинъ вѣнчальный вѣнецъ, налой (простой деревянный), панели, рѣзные столбики (вереи), полукружіе и коруна къ царскимъ дверямъ (послѣднія крупныхъ деталей, съ пошибомъ на итальянскій стиль).

Подъ колокольней въ посадѣ **Ненокса**.

Налой (простой), четыре круглыхъ деревянныхъ, расписныхъ подсвѣчника (тощія свѣщи), двое царскихъ дверей съ вереями (безъ рѣзьбы), низъ слюдянаго фонаря съ палкой, цѣльный слюдяной фонарь безъ палки, желѣзный подсвѣчникъ, деревянный висячій подсвѣчникъ и десять маленькихъ лампадъ (изъ нихъ есть не цѣльныя, но всѣ болѣе или менѣе интересныя).

Въ кладовой **Унской** церкви.

Двое царскихъ дверей, кіотка и деревянный круглый подсвѣчникъ.

Въ Крестовомъ монастырѣ.

Рѣзная кіотка.

Въ селѣ **Варзогоры**.

Двѣ лампады и круглый расписной деревянный подсвѣчникъ.

*) Большая часть ниже поименованныхъ древностей относится къ XVII ст.

Въ селѣ **Малошуйскомъ**.

Деревянные вѣнчальные вѣнцы, расписанные по левкасу.

Въ с. **Нюхотскомъ**.

Желѣзная лампада и вѣнчальные желѣзные вѣнцы.

Подъ колокольнею въ селѣ **Шуѣ**.

Пять большихъ лампадъ и одна маленькая, двѣ «тощихъ свѣщи» (одна плохая), деревянный точеный подсвѣчникъ (съ тремя стержнями, изъ которыхъ средній поднимается), слюдяной выносный фонарь, съ нѣсколькими верхами (простой работы) и разные надмогильные деревянные крестики.

Въ кладовой **Кемскаго** собора.

Двѣ большихъ мѣдныхъ лампады, нѣсколько мелкихъ и «тощая свѣща» съ желѣзной накладной лампадой.

Въ Олонецкой губерніи.

Въ притворѣ **Благовѣщенской** церкви въ г. Каргополѣ.

Находятся безъ употребленія: два слюдяныхъ фонаря, двѣ поломанныя лампады, налой деревянный, клиросъ некрашеный и два вѣнчальныхъ вѣнца, украшенные слюдою и оловяннымъ золоченымъ орнаментомъ.

Въ церкви с. **Агаѳоновскаго**.

Нѣсколько мѣдныхъ лампадъ.

Въ **Печковскомъ** приходѣ.

Складной налой (простой работы).

Въ церкви села **Мегрецкаго**.

Кадило и маленькій колоколъ.

Въ **Кондужско-Свирскомъ** приходѣ.

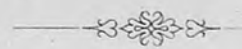
Деревянные вѣнчальные вѣнцы.

Въ кладбищенской на **Юргальскомъ** погостѣ.

Двѣ лампады и др. вещи.

Въ **Бережно-Дубровскомъ** приходѣ.

Образа отъ складней съ орнаментами по левкасу.



Научный
Читальный
зал

2007083391